

Ян Экхольм

Тутта Карлссон
Первая
и единственная,
Людвиг
Четырнадцатый
и др.

ЯН ЭКХОЛЬМ

«ТУТТА КАРЛССОН ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ, ЛЮДВИГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ И ДР.»

Обработано: https://vk.com/biblioteki_proshlogo

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ХИТРЫЕ ЛАРСОНЫ

Ян Экхольм

Тутта
Карлссон
Первая и
Единственная,

Хитрая
сказка

Людвиг
Четырнадцатый
и др.

Глава первая

Ты знаешь Ларссонов? Нет, не тех Ларссонов, что иногда заходят в гости к Пёрссонам.

Я говорю о хитрых Ларссонах. А если я еще добавлю, что эти хитрые Ларссоны живут в норе, то ты сразу догадаешься, что я хочу тебе рассказать о самой большой и самой хитрой во всем лесу семье.

Ты, конечно, очень часто ходил над их норой, но даже и не подозревал, что она так близко, под самыми твоими ногами. Ну, вспомни каменистый холмик в лесу, там, где растет высокий колючий кустарник, где весной раньше всего тает снег и где солнце теплее всего припекает летом!

Вот там, глубоко в земле, папа Ларссон и устроил себе уютную квартиру. Если бы тебе удалось заглянуть туда, ты увидел бы просторную кухню. У одной стены стоит большой деревянный ящик — это буфет, где Ларссоны хранят свою лисью еду. Сюда же

мама Ларссон складывает пустые консервные банки, которые невоспитанные люди разбрасывают по лесу. Лисы используют эти банки вместо тарелок и кастрюль. Из тарелок, как ты понимаешь, они едят, а в кастрюлях варят рассыпчатую картошку и молочные каши. Посреди кухни стоит стол, его смастерил папа Ларссон из дубового пня, к которому приколотил дощечки от ящика. Мама Ларссон обила их березовой корой, и теперь стол покрыт модной скатертью.

Гостиная, где семья обычно собирается по вечерам, почти такая же большая, как кухня. А рядом с гостиной — детская, с кроватками, устланными еловыми ветками. В них очень тепло и уютно спать.

В этот дом ведут три входа: один — из большого дупла, другой — из-под заросшего мхом камня, а третий — потайной. О нем знает лишь папа Ларссон. Он строго хранит эту тайну и откроет ее лишь в том случае, если семья окажется в опасности.

Может, тебе кажется, что эта нора слишком просторна? Но она должна быть такой, ведь лисья семья очень большая. Первым, конечно, надо назвать папу Ларссона, известного плута, который всегда выходит, как говорится, сухим из воды. Сейчас он уже стар и надеется, что дети его скоро подрастут и станут такими плутами, что смогут сами прокормиться.

Потом надо назвать маму Ларссон. Ее не часто встретишь в лесу, потому что она должна сидеть дома и создавать уют.

А на это уходит очень много сил и времени, ведь детей у нее — четырнадцать, и у всех хороший аппетит. Самый старший и самый сильный — Лабан. Совсем недавно он закончил лисью школу. Там он был таким способным учеником, что учителя надеялись: он станет таким же хитрым, как сам папа Ларссон.

Его братишек и сестренку зовут — Леопольд, Ляге, Лассе-младший и Лассе-старший, Лэннард, Лео, Лукас, Лаура, Линнеа, Луиза, Лидия и Лотенн. Все они еще ходят в школу и получают пятерки по плутовству и лисьим уловкам.

Пока я называл тебе только тринадцать лисят, но есть еще и Людвиг Четырнадцатый. Он совсем маленький рыжий клубочек с беленькой точечкой на самом кончике хвоста. В школу он еще не ходит.

Но не думай, что Людвиг Четырнадцатый царственно изнежен.

Он дергает своих братьев и сестер за хвосты, и тогда все кувыркаются, кусаются, борются, спорят, ругаются и кричат так громко, что мама Ларссон уверяет, что над их норой дрожит весь лес.

Но если лисята любят покувыркаться, то папа Ларссон больше любит посидеть и порассказывать о своих приключениях: о том, как он обманывал охотничьих собак и даже самих охотников, как он подбирался к жилищам людей и воровал у них прямо из-под носа, и о том, какой он хитрый и какой он умный и как он будет счастлив, если его дети хоть чуть-чуть будут похожи на него.

Глава вторая

Охотнее всего папа Ларссон рассказывает о своих встречах с Максимилианом — собакой из дома, что у самой опушки.

— Он почти такой же плут, как и я, — любит говорить папа Ларссон. — Интересно, кто из вас обманет его первым.

— Я самый хитрый! — кричит всегда Лабан.

— Нет, я, — пищат Леопольд, Лаге, Лассе-старший и Лассе-младший, а за ними и все остальные, тыча носами друг друга в бока.

Как-то вечером громче всех крикнул Людвиг Четырнадцатый:

— А все равно я первый обману Максимилиана!

Все так дружно и громко рассмеялись, что даже начали икать. Но прошло время, и однажды в нору Ларссонов пришло горе. Папа Ларссон уселся в кресло, переделанное из детской коляски. Он так задумался, что даже не заметил, как мама Ларссон вошла с большой чашкой утешительного черничного сока.

— Ах-ах-ах, — стонал папа Ларссон. — Мне трудно смотреть кому-либо в глаза.

— Ох-ох-ох, — вторила ему мама Ларссон. — Что подумают наши родственники!

— Бедный, бедный наш старый дедушка, — вздыхал папа Ларссон. — Самый мудрый и самый правдивый во всем лисьем роду, и вдруг у него такой правнук.

— Нет, он не переживет этого, — вздыхала мама Ларссон,

смахивая хвостом слезинки.

Как ты думаешь, что же произошло?

Может быть, кто-нибудь из семьи попал в беду?

Да, у папы и мамы Ларссонов случилось несчастье.

У них оказался сын, который не хотел быть хитрым!

Надо же, он не хотел учиться обманывать других и не считал папу героем. И у кого бы вы думали зародились такие вредные мысли? Представьте себе, у Людвига Четырнадцатого.

— Только не пори его, — всхлипывала мама Ларссон.

— Ах-ах-ах, — простонал папа еще раз. — Уж я поговорю с ним.

Папа поднялся с кресла и подошел к кусочку бересты, что висела на стене. А на этом кусочке было написано клюквенным соком:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХИТРОСТЬ! УРА ЛАРССОНАМ!

Людвиг Четырнадцатый крадучись вошел в гостиную.

— Ты хотел поговорить со мной, папа? — спросил он.

— Мой дорогой, любимый сыночек... — От неожиданности папа Ларссон начал издали. — Ты еще не умеешь читать, но, может быть, ты уже знаешь, что написано на этой табличке.

Людвиг Четырнадцатый помотал хвостиком.

— Это девиз нашей семьи. С незапамятных времен, — гордо сказал папа Ларссон.

— Ты что думаешь, я дурак? — спросил Людвиг Четырнадцатый, смешно повертев головкой. — Все это я знаю. Но я знаю еще больше: *обманывать других плохо*.

Папа Ларссон почесал себя за ухом.

— С кем ты связался? — спросил он. — С каким хулиганьем?

— Это не хулиганье, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Это мои лучшие друзья — зайчата Юкке-Юу и Туффе-Ту. У них есть книжки. У них дома есть книжки, где можно прочесть, что все должны быть добры друг к другу.

Папа Ларссон долго чесал себя за другим ухом. Наконец он промямлил:

— Конечно, все должно быть добры к другим. Но это и значит, что мы должны их обманывать. У зайцев должна быть еще одна книжка, где так и написано.

— Меня это не интересует, — дерзко ответил Людвиг Четырнадцатый. — Я не хочу быть хитрым, не хочу обманывать и не хочу врать. Я хочу быть хорошим.

— А есть ты хочешь? Каждый день? — вкрадчиво спросил папа Ларссон. — А чтобы есть, нужно быть плутом.

— Я куплю еду в магазине, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— А где ты уворуешь деньги? Лучшая еда добывается честно. Во дворах у людей, — назидательно сказал папа Ларссон. — А можешь ты пробраться туда без хитрости?

— Тогда я не буду есть.

Папа Ларссон вздохнул, замахнулся лапой, но передумал.

— Марш в детскую и сейчас же ложись спать! — процедил он сквозь оскаленные зубы. — Он безнадежен, — запричитал папа Ларссон, обращаясь к маме Ларссон, которая стояла на кухне и облизывала языком тарелки после обеда. — Только представить себе: лис не хочет быть хитрым и не хочет обманывать!

— Все изменится, когда он подрастет, — сказала мама Ларссон.

Папа Ларссон вытащил из нагрудного кармашка своей шубы маленькие часики.

— Он не подрастет. Я вижу, что скоро осень. Если Людвиг Четырнадцатый не будет хитрым, он не подрастет. Он не сумеет добывать себе еду. Что же нам делать с ним?

— Мне кажется, что он играет не с теми детьми, — ответила мама Ларссон. — Его друзья отвратительно хорошие. Ты слышал, что он говорил про этих зайчат? Они не научат его добру.

Папа Ларссон даже выскочил из кресла.

— Ты права! — воскликнул он. — С этой минуты Людвигу запрещается выходить без спросу.

— Но не может же он расти совсем один, — возразила мама Ларссон.

— У него много братьев и сестер, — стоял на своем папа Ларссон.

— Которые ходят в школу, — робко напомнила мама Ларссон.

— Но один-то уже закончил школу. И этот один может научить его такому, чего даже мы не знаем.

Он распахнул дверь в детскую:

— Лабан! Сюда!

Старший лисенок крадучись подошел к родителям. Он уже раздался в плечах и научился по-взрослому щурить глазки.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал ему папа Ларссон. — Ты успешно сдал экзамен в лисьей школе. И почти уже совершеннолетний.

Лабан скорчил рожицу, оскалив ряд острых зубов:

— Ты ведь знаешь, как меня называет вся лесная малышня.

Этого папа Ларссон не знал.

— Хитрый Лабан, — продолжал лисенок. — Все боятся меня и знают, что на целую милю в округе я хитрее всех.

— Ты гордость нашей семьи. — Папа Ларссон похлопал сына по плечу. — А теперь вся твоя ученость должна пойти нам на пользу. Ты должен позаботиться о Людвиге Четырнадцатом. И заставить его думать не так преступно, как он это делает. Ты ведь, наверное, слышал, как он заявил, что не хочет быть хитрым. Отщепенец!

Лабан скис.

— Выходит, мне придется играть с самым маленьким? — обиделся он. — Не хочу!

— А чтобы у тебя был брат, за которого стыдно, ты хочешь? — строго спросил папа Ларссон.

Лабан покачал головой.

— Лис просто обязан обманывать, только тогда он может называться лисом, — продолжал пана торжественно. — В нашей семье всегда были и есть только настоящие лисы. Ты помнишь, что написано на этой табличке?

— Да здравствует хитрость! Ура Ларссонам! — закричал Лабан.

— Вот, мой мальчик, — просиял папа Ларссон. — Ты сделаешь Людвига Четырнадцатого настоящим плутом.

Лабан от удовольствия потянулся.

— Обещаю сделать все, что смогу, — сказал он. — Я с охотой займусь и другими братьями и сестрами. Я хитрее всех на милю вокруг...

— Не очень важничай, — прервал его папа Ларссон. — Пока еще самый хитрый в этой семье я. Я сам намерен обучить Людвига Четырнадцатого всем нашим приемам. Ты же должен лишь проследить, чтоб он не играл с Юкке-Юу, Туффе-Ту и другими уличными мальчишками, которые учат его глупостям.

— Да, папа, — покорно ответил Лабан. — С завтрашнего утра Людвиг Четырнадцатый будет играть только со мной.

Глава третья

На следующий день рано утром Лабан разбудил своего маленького братца, Людвига Четырнадцатого.

— Поднимайся, — прошипел он кисло. — Ты и я, мы с тобой будем играть.

Людвиг Четырнадцатый протер глаза.

— Я не хочу играть с тобой. — И он зевнул. — Все мои друзья считают, что ты настоящий плут.

Лабан расплылся в улыбке.

— Приятно слышать. Ну, поднимайся!

— Я сказал, не хочу, — заупрямился Людвиг Четырнадцатый и принялся облизывать свою рыжую шубку. — Юкке-Юу, Туффе-Ту и я, мы собирались сегодня играть. В прятки...

— Ты больше не должен встречаться с этими уличными зайчишками! — озлился Лабан. — Это папа решил, что ты больше не будешь играть с ними. Вместо этого я буду учить тебя уму-разуму.

— Пожалуйста, ты можешь учить меня и уму и разуму. Но ты не научишь меня, как обманывать других.

— Посмотрим, — пробурчал Лабан. — Пойдем.

И лисята вышмыгнули из норы.

— Вот это гриб, — заявил Лабан, показывая правой передней лапой на большую красивую шляпку.

— Грипп? Меня не обманешь, — рассмеялся Людвиг Четырнадцатый. — Ты хочешь сказать, что если ее съесть, эту шляпку, то можно заболеть этим... гриппом? А почему же тогда белочки их сушат?..

— Ты глупее, чем я думал, — прервал его Лабан. — Я не имел в виду никакой болезни. Это гриб. Не грипп, а гриб, понимаешь? Да, многому тебя придется учить.

Лисята крадучись пробежали по всем лесным тропинкам. Лабан учил Людвига Четырнадцатого, как называются деревья, кустарники, ягоды, грибы и цветы. Учил и многому другому.

К вечеру Лабан спросил Людвига:

— Может, еще что-нибудь хочешь узнать? А то побежим домой. У меня совсем пересохло в горле, да и живот пуст.

— Я хочу еще посмотреть, как живут люди, — сказал Людвиг Четырнадцатый.

— Этого нельзя! — Лабан замахал передними лапками. — Это очень опасно.

— Ты что, боишься?

— Я? Я самый храбрый на милю вокруг.

И они побежали. Остановились они только у глубокой канавы, что возле самого леса. И вдруг они увидели плетеную ограду.

— А вот это называется забор, — тихонечко прошептал Лабан. — То, что ты видишь по другую сторону его, называется поле, там растет овес. Из него мама делает нам кашу.

— Я бы хотел посмотреть на поле, где мама берет крупу, чтобы делать нам рисовую кашу, — также шепотом ответил Людвиг Четырнадцатый. — Рисовая каша лучше овсяной.

— Каша! Дурак! — зарычал Лабан. — Посмотри-ка вот сюда, между прутьями. Видишь, вон там, на другой стороне поля, коробку с окнами? Это нора для людей. Называется — дом. А около него коробки без окон, это дома для коров и лошадей. А в самом главном маленьком домике живут куры, цыплята и яйца.

Лабан облизал губы.

Людвиг Четырнадцатый смотрел, не мигая, и его глаза делались все круглее.

— А где живет тот ужасный Максимилиан, о котором папа всегда рассказывает? — прошептал он.

— Точно не знаю. Но буду первым из папиных детей, кто обманет это кривоногое страшилище.

— А может, я обману его раньше тебя! — похвастался Людвиг Четырнадцатый.

Лабан громко рассмеялся:

— Ты-то! Ты же не хочешь быть хитрым! Я покажу тебе, как это делается. Я обману первого, кто встретится нам на пути домой. Хочешь пари?

— Не-е-т, — протянул Людвиг Четырнадцатый.

— А я все-таки обману кого-нибудь, — настаивал Лабан. — Просто чтобы доказать тебе, какой я хитрый.

По тропинке возле самой норы Ларссонов бежали зайчишки Юкке-Юу и Туффе-Ту. Они хотели припустить наутек, увидя, что их друг Людвиг Четырнадцатый идет не один, но было слишком поздно. Людвиг Четырнадцатый окликнул их:

— Где вы были?

— В киоске, и купили медовых пряников, — ответил Туффе-Ту и показал кулек.

— О-о-о-о!.. — застонал вдруг Лабан. — О-о-о-о, бедное мое горлышко!

— У тебя горло болит? — дружелюбно спросил Юкке-Юу.

— Спрашиваешь, — опять застонал Лабан. — О-о-о-о! Людвиг и я как раз идем от доктора Совы. И она сказала мне, что я очень болен. Есть только одно лекарство, которое может мне помочь.

— А какое? — поинтересовался Туффе-Ту.

— Медовые пряники, — вздохнул Лабан. — Лечебный мед, лечебный мед, он нежен, сладок и приятен.

— Значит, вы тоже идете покупать медовые пряники? — спросил Юкке-Юу.

Лабан притворился, что плачет.

— Я не могу купить медовых пряников. Деньги, которые мне папа дал на неделю, кончились. А больше у папы не выпросишь, и придётся мне всю жизнь ходить с больным горлом.

Зайчата долго смотрели на Лабана.

— Это правда? Ты не обманываешь? — спросил Юкке-Юу.

— Охота мне обманывать вас, лучших друзей Людвига Четырнадцатого. Скажи, Людвиг, разве я обманываю?

Лабан больно ущипнул Людвига Четырнадцатого за кончик хвоста. И вместо «нет» Людвиг закричал «а-а-а».

— Что ты говоришь? — дружно спросили Юкке-Юу и Туффе-Ту.

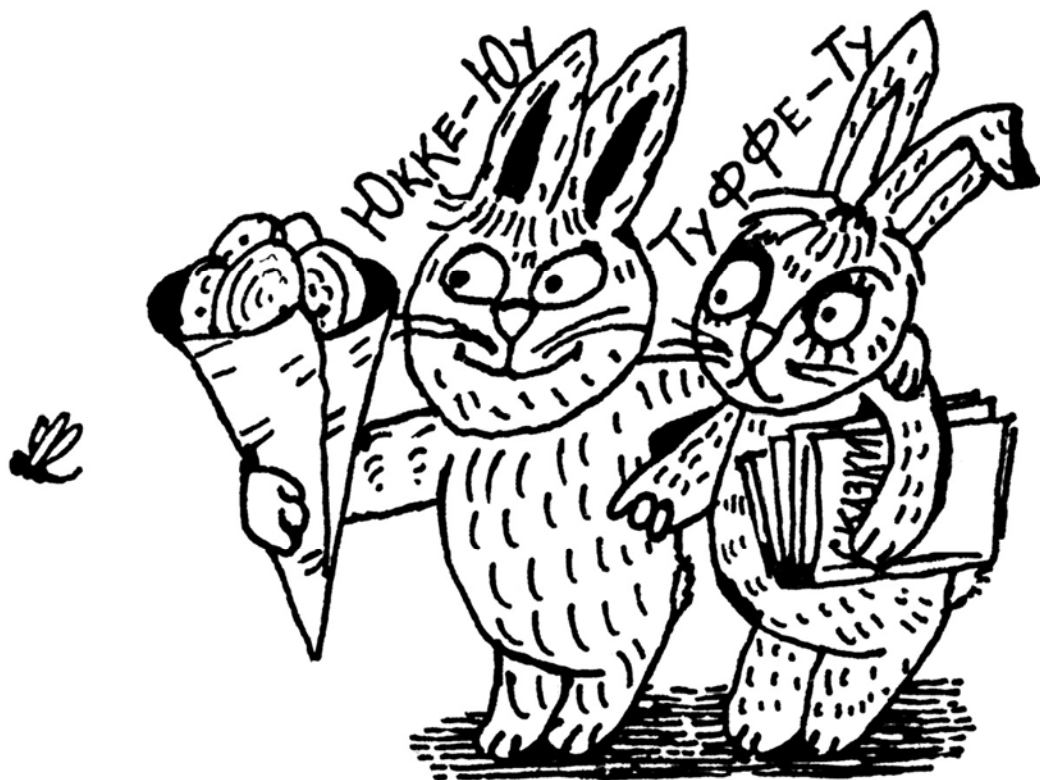
— Мой младший братишка хочет сказать «да», но иногда он переставляет буквы в слове, — пояснил Лабай. — Когда он говорит «тен», он имеет в виду «нет», а когда он говорит «ад», он хочет сказать «да».

— Твой брат говорит правду? — спросил Туффе-Ту у Людвига.

— А-а-а! — вскрикнул Людвиг, когда Лабан снова ущипнул его за хвост.

— Вот, слышите, он говорит «да». А сам я уже совсем не могу говорить, кхе, кхе... — И он прохрипел: — О-о-о, мое бедное горло!

Зайчата стояли в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Наконец Юкке-Юу сказал:

— Только потому, что ты брат Людвига Четырнадцатого...
Пожалуйста, вот тебе весь кулек.

У Лабана вдруг прорезался голос:

— Две тысячи спасибо! Три тысячи спасибо! Пять тысяч спасибо! Семь тысяч спасибо! Вы лучшие друзья во всем лесу. Обещаю, что не забуду вас.

Глава четвертая

Зайцы ускакали, а Лабан стукнул себя в грудь и воскликнул:

— Да здравствует хитрость! Вот как должен поступать лис, если ему хочется медовых пряников! Ну, чем плохо обманывать?

Юкке-Юу и Туфффе-Ту не успели еще отбежать слишком далеко. Они услышали, что сказал Лабан, и тут же возвратились.

— А мы-то думали, — глядя на Людвига, сказал Юкке-Юу.

— Обманщик! — добавил Туфффе-Ту. — Больше мы с тобой не играем.

И они снова исчезли, а Людвиг Четырнадцатый повесил нос.

— Мои лучшие друзья! — упрекнул он. — И тебе не стыдно?

— Мне никогда не стыдно, — улыбаясь, ответил Лабан. — Глупым зайчатам не нужны медовые пряники. А тебе не нужны зайчата. Разве ты не помнишь, что сказал папа?

Лабан открыл пакетик и сунул в него нос.

— Как пахнут! Ты смотри, а я буду лопать их. Сразу, все-все съем.

— Ну и дурак, — загадочно сказал Людвиг Четырнадцатый.

Лабан было засунул уже лапу в кулек, но вдруг остановился и удивленно посмотрел на брата.

— Я — самый хитрый лис на милю вокруг, — напыжился Лабан. И все-таки поинтересовался: — Почему же я дурак?

— Если бы я был в твоей шкуре, я сохранил бы все пряники, пока мы не вернемся домой, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Представь себе, как наши братья и сестры полопаются от зависти, когда ты будешь есть пряники, а им останется только облизываться.

Лабан задумался.

— Иногда ты довольно разумно рассуждаешь, — наконец согласился он. — Когда мы придем домой, я спрячу пакет, а вечером съем пряники при всех.

Лабан спрятал кулек под своей кроватью. Только Людвиг Четырнадцатый знал — куда.

А когда все лисята начали укладываться спать, Лабан, глядя в потолок, сказал:

— Пожалуй, время полакомиться пряниками...

— У тебя нет никаких медовых пряников, — рассмеялся Леопольд. — Я ведь хорошо знаю, что ты давным-давно растратил свои деньги.

— У меня нет пряников? У меня целый пакет!

— Не заводи нас, — сказала Лаура. — Я тебе не поверю, пока сама не понюхаю.

Лабан гордо посмотрел на своих сестер и братьев.

— Думайте что хотите! — облизнулся он. — Пакет, во всяком случае, лежит здесь.

И Лабан нырнул под кровать. Но сколько он ни шарил там, кулька не было.

— Ха-ха-ха, — засмеялись все. — Полакомился!

Когда Лабан наконец вылез, нос его был совсем красным от злости.

— Кто украл мои пряники?! — заорал он. — Ну-ка, откройте свои глотки! Все! От кого пахнет медом, тот и вор!

Все лисята разинули рты. Лабан подходил к каждому — к Леопольду, Лаге, Лассе-старшему и Лассе-младшему, Леннард, Лео, Лукасу, Лауре, Линнее, Луизе, Лидии и Лоттен.

Но ни от кого медом не пахло!

Остался только Людвиг Четырнадцатый. Лабан остановился перед ним и зашипел:

— Вот кто вор! Ведь только ты видел, где я спрятал пакет!

— Я не ел твоих пряников, — ответил Людвиг Четырнадцатый, прямо глядя в глаза своему старшему брату. — Вот, понюхай!

От Людвига Четырнадцатого тоже не пахло медом.

Лабан почесал затылок.

— Я не ел твоих медовых пряников, — еще раз сказал Людвиг Четырнадцатый, — но я их отдал.

— Отда-а-л?! — взревел Лабан и от злости перекувырнулся в

воздухе. — Кому ты отдал мои пряники?

— А пряники совсем не твои, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Ты забрал их у моих друзей.

— Эти глупые бесхвостые зайцы сами отдали мне пакет! — ревел Лабан.

— Ты обманул их, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — А так как горло у тебя совсем не болит, Юкке-Юу и Туффе-Ту получили свой кулек обратно.

Лабан так и выпучил глаза на своего маленького братца.

— Ты еще раскаешься, — наконец сказал он, скрежеща когтями по полу норы.

И всем стало ясно, что Лабан ужасно разозлился. Но Людвиг Четырнадцатый совсем не испугался.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в это время в спальню не вошел папа Ларссон. Он стоял за дверью и подслушивал. У лисиц это не считается неприличным.

— Уже поздно, спать всем! — приказал он.

— Папа, папа, Людвиг Четырнадцатый обманул меня! — закричал Лабан. — Он обманул...

— Очень хорошо! — прервал его папа Ларссон. — Мой младшенький обманул самого Лабана, самого хитрого лисенка в лесу! Недурно!

И тогда Лабану стало стыдно, и, поджав хвост между лапами, он нырнул в свою кровать.

Папа Ларссон долго сидел в кресле, переделанном из детской коляски.

— Во всяком случае, Людвиг не такой уж дурак, — бормотал он. — Но обманывать своих собственных братьев и сестер ради чужих?..

Глава пятая

На следующее утро уже Людвиг Четырнадцатый сам будил Лабана.

— Поднимайся, — сказал он, тряся брата. — Ты еще многому должен научить меня в лесу. Вчера было так интересно.

Но Лабан был совсем не весел. Он еще не забыл случай с медовыми пряниками.

— Я не хочу с тобой разговаривать. Я не хочу водиться с обманщиками.

— Ты же сам самый великий обманщик на милю вокруг, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— Это совсем другое дело! — взвыл Лабан и перевернулся на другой бок. — Я хочу спать.

Людвиг Четырнадцатый ушел один.

Он, конечно, помнил, что папа Ларссон запретил ему играть с уличными зайчишками. Но Лабан отказался идти с ним, значит, он может пойти к своим друзьям.

И Людвиг Четырнадцатый направился прямо к Юкке-Юу и Туффе-Ту. У входа в их нору стояла сама Зайчиха.

— Мои мальчики больше не будут играть с тобой, — сказала она решительно. — Ты и твой брат только обманываете их. Я знаю, как вчера вы забрали у них пакет с медовыми пряниками.

— Разве тетя Зайчиха не знает, что вчера же вечером я вернул кулек? — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— Ничего не знаю и знать не хочу! — сердито ответила Зайчиха и захлопнула дверь перед самым носом Людвиг Четырнадцатого.

Он вздохнул и направился к другому своему другу — к белочке Агне Попрыгунье.

Белочка сидела на ветке и чистила шишки.

— Здравствуй, Агне! — крикнул ей Людвиг Четырнадцатый и завертел хвостиком. — Спускайся вниз, поиграем вместе.

— Мне нельзя играть с тобой, — ответила Агне. — Моя мама слышала от тети Зайчихи, как ты вчера забрал два мешка медовых пряников у Юкке-Юу и Туффе-Ту.

— Это неправда! — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Был только один кулек.

— Это все равно! — И Агне запустила в него шишкой, но промахнулась.

— Это не все равно! — отскакивая, крикнул Людвиг Четырнадцатый. — Я ведь вернул этот кулек зайчатам. Я обманул только Лабана.

— Ну и все равно. Ты обманщик! — И Агне Попрыгунья перепрыгнула на другое дерево.

Людвиг Четырнадцатый чуть не заплакал.

«Пойду-ка я к Ежику, — подумал он. — Ежик еще маленький, но уже мудрый».

Маленький Ежик жил в старом сарае в глубине леса.

— Алло, Ежик! — громко крикнул Людвиг Четырнадцатый, подойдя к полуразвалившейся постройке. — Ты дома?

— Нет, — ответил голос. — То есть я хотел сказать: да, я дома, но меня дома нет.

— Не надо, не шути! Ведь это же я, Людвиг Четырнадцатый, твой друг. Выходи.

— Я не шучу, но я не хочу быть твоим другом, — сказал Ежик. — Я думал, ты добрый. А теперь я знаю, что ты такой же обманщик, как и другие лисы. Думаешь, я не знаю, что вчера ты отнял три воза медовых пряников у Юкке-Юу и Туффе-Ту?

— Это неправда... — начал было Людвиг Четырнадцатый. — Всего один кулек.

— Нет, это правда, — сказал Ежик. — Моя мама слышала от мамы Агне Попрыгуньи, которая слышала от мамы Юкке-Юу и Туффе-Ту.

Людвиг Четырнадцатый понял, что Ежик не станет его слушать, и грустно поплелся дальше.

Теперь у него осталось только два друга: горностаи Оке и Бенгт.

Людвиг Четырнадцатый крикнул в нору:

— Выходите поиграть!

— Могу не, хочу не! — ответил Бенгт.

— Не могу, не хочу! — поправил его Оке.

— Нам нельзя! — закричали вместе Оке и Бенгт.

— Почему? — удивился Людвиг Четырнадцатый.

— Наш Ежик слышал от мамы... — начал Бенгт.

— Наша мама слышала от мамы Ежика, — поправил его Оке, — которая слышала от мамы Агне Попрыгуньи, которая слышала от мамы Юкке-Юу и Туффе-Ту, что ты выманил четыре горы медовых пряников у зайчат.

— Один кулек... — начал было Людвиг Четырнадцатый. — И совсем не я...

— Мы играть тебя с нами не будем, — перебил его Бенгт.

— Мы не будем играть с тобой, — поправил его Оке.

Людвиг Четырнадцатый стер слезинку кончиком хвостика.

«Ну почему мои друзья такие несправедливые?» — мучительно думал он. Ведь он-то совсем не хотел быть хитрым и обманывать других, наоборот, он хотел быть добрым и помогать всем.

Людвиг Четырнадцатый понял, что слух скоро распространится среди всех лесных зверей. И к вечеру, наверное, уже будут говорить, что он отнял у Юкке-Юу и Туффе-Ту сто гор медовых пряников.

Людвиг Четырнадцатый растянулся на большом пне и задумался. Папа Ларссон запретил ему играть с другими лесными зверятами. А они-то, между прочим, и сами не хотят играть с ним. Да еще Лабан на него разозлился, уж он, наверное, придумает, как отомстить Людвигу. Нет, не осталось у него друзей. Что же ему делать?

И Людвиг Четырнадцатый нашел только один выход.

НАДО УБЕЖАТЬ ИЗ ДОМУ.

Людвиг Четырнадцатый спрыгнул с пня и отправился по совсем незнакомым ему тропинкам. Долго бродил он по лесу, прокрадываясь через прогалины, чтобы ни один враг не заметил его. И наконец решил, что далеко ушел от родной норы.

Наступил вечер. Людвиг Четырнадцатый продрог, хотя на нем была такая теплая шубка. К тому же он еще и проголодался. Ведь

он ничего не ел с самого утра, только одну ягодку и один корешок.

«Скоро они будут ужинать, — подумал Людвиг Четырнадцатый и почувствовал себя так одиноко. — Интересно, скучают они обо мне?»

Вдруг стало светлее, и лес кончился. Перед ним вырос плетеный забор, за ним раскинулось широкое поле, а за полем светились огоньки.

Людвиг Четырнадцатый осмотрелся вокруг. Понюхал воздух и вскоре сообразил, где находится.

Это было то место, где вчера вместе с Лабаном они лежали и смотрели на дома людей, лошадей, коров, кур, цыплят и яиц.

«Странно, — подумал Людвиг Четырнадцатый и почесал себя за ухом. — Я пробродил целый день, а оказался почти рядом с домом».

Он подумал было, что ему, пожалуй, стоит вернуться домой и съесть приготовленный мамой Ларссон ужин. Но он тут же одумался.

— Я сказал, что должен убежать из дому, значит, и убегу, — пробурчал Людвиг. — Все было бы хорошо, вот только есть хочется.

Он посмотрел через дырочку в заборе на овсяное поле. Лабан вчера сказал: «Вот из этой травы мама варит овсяную кашу».

Людвиг Четырнадцатый не очень любил овсяную кашу, но чем-то надо было набить живот. Он перепрыгнул через канаву, пролез под плетнем и начал жевать стебли овса. Но они не напоминали овсяную кашу.

— Дурак этот Лабан, — рассердился он.

Однако он чувствовал, что просто умирает с голоду.

«У людей всегда есть еда», — любил повторять папа Ларссон. Но разве мог Людвиг Четырнадцатый решиться на такое опасное путешествие, ведь он был совсем не хитрый.

— Нет, не так уж я и боюсь, — храбрился он. — Есть-то хочется. Была не была, попробую пробраться к людям.

Среди высоких стеблей овса Людвиг Четырнадцатый чувствовал себя уверенно. Здесь люди не могли заметить его. Но когда поле кончилось, стало страшнее. Людвигу Четырнадцатому пришлось прижиматься к самой земле и ползти между двумя

рядами каких-то невысоких растений.

Он понюхал воздух. Пахло чем-то вкусным и сладким. Папа Ларссон любил рассказывать, что люди выращивают сладкие ягоды, которые называются клубникой. И Людвиг Четырнадцатый решил, что он ползет по клубничному полю.

Он наострил свои длинные ушки. Что-то прозвенело в темноте! И опять стихло. Может, Людвиг Четырнадцатый ошибся? Он поднял голову, чтобы посмотреть, как быстрее подползти ко двору. И ТОГДА ОН УВИДЕЛ ЧТО-ТО УЖАСНОЕ!

Прямо перед ним стоял кто-то высокий. На нем было длинное пальто, а руки раскинуты в стороны.

Людвиг Четырнадцатый никогда еще не видел живого человека, только на картинке в книжке у Юкке-Юу и Туффе-Ту.

Может быть, этот высокий на клубничном поле и есть человек?

Людвиг Четырнадцатый боялся даже дышать. Он стоял как вкопанный и смотрел. И чем больше смотрел, тем чуднее казался ему Этот.

Людвиг Четырнадцатый протер глаза. Нет, он не ошибся. На голове у Этого была большая шляпа, но под ней не было лица с глазами, носом — словом, всем, что полагается.

Вот опять послышались звоночки. Пожалуй, это был не человек, а что-то еще более ужасное.

«ПРИВИДЕНИЕ!» — мелькнуло в голове Людвига. И от страха его влажный нос стал совсем горячим. Как же он забыл про осторожность? С быстротой молнии он помчался назад в спасительное овсяное поле, потом один прыжок — и он оказался в канаве за забором.

— По-мо-ги-и-и-те! — закричал кто-то писклявым голосом.

— По-мо-ги-и-и-те! — заскулил Людвиг Четырнадцатый.

Он почувствовал, что лежит на мягком, живом, пищащем маленьком пуховом комочке.

Глава шестая

Трудно сказать, кто больше испугался: Людвиг Четырнадцатый или маленький пуховый комочек. Во всяком случае, первым заговорил Людвиг Четырнадцатый.

— Что за манера налетать ни с того ни с сего на невинных зверей?! — начал он. — Собственно говоря, мне стоило бы заявить на тебя в полицию.

— Пин-пин-пинтересно, — пропищал пуховый комочек. — Я совсем не налетала на тебя, потому что я почти не умею летать. А уж если на кого и стоит заявить в полицию, то на тебя. Ведь не я же на тебя упала.

В канаве было темно. Но Людвиг Четырнадцатый напряг зрение и разглядел, что пуховый комочек был куда меньше его самого. И лисенок расхрабрился.

— Что ты делаешь здесь на опушке совсем один и так поздно? — спросил он. — Такие малыши, как ты, должны уже давно спать.

— Я боюсь идь-идь-идти домой, — жалобно пропищал комочек. — Я почувствовала запах лисицы, а страшнее зверя, чем лисица, я не знаю.

Людвиг Четырнадцатый хихикнул.

— Ты никогда не видела лисиц?! — удивился он.

— Никогда, — ответил комочек. — Я знаю только, что у них длинные уши и вместо хвоста маленький шар-ик-ик-ик. И они скачут.

— «Ик-ик»! — передразнил Людвиг Четырнадцатый. — А

может, ты смотрел не на те рисунки?

— Ой, какая я глупая, — засмеялся пуховый комочек. — Я всегда повторяю одни и те же ошибки. Ну, ник-ник-никак не могу запомнить разницу между лисицей и зайцем. Значит, тогда лиса — это та, у которой рыжая шубка и большой хвост. Да еще она ужасно хитрая.

— Вот это точнее, — заметил Людвиг Четырнадцатый.

— А ты что, видел жив-жив-живых лисят? — спросил пуховый комочек.

— Неоднократно, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— И ты ник-ник-никогда их не боялся?

— Нисколько! — гордо сказал Людвиг Четырнадцатый.

— Значит, ты очень храбрый! — воскликнул пуховый комочек.

— А как тебя зовут?

— Людвиг Четырнадцатый Ларссон.

— Какое смешное имя, — засмеялся комочек.

— И совсем не смешное, — рассердился Людвиг Четырнадцатый. — Все очень просто. Наша семья самая большая во всем лесу. И я совершенно случайно оказался четырнадцатым в этой семье.

— У тебя чет-чет-четырнадцать братьев и сестер? — пропищал комочек. — Есть чем хвастать!

— Только тринадцать, — рассердился Людвиг

Четырнадцатый. — Но можно подумать, что у тебя их больше!

— Вряд ли я смогла бы сосчитать их всех, — ответил комочек.

— А зовут меня Тутта Карлссон.

В канаве наступила тишина. Оба думали одно и то же: «Кто же сидит напротив меня?»

И снова первым начал спрашивать Людвиг Четырнадцатый:

— Ты птица, не правда ли?

Тутта помотала своей маленькой головкой.

— Но ведь ты же сама сказала, что летаешь не очень хорошо!

Тутта опять помотала головкой.

— Ты живешь здесь, в лесу?

Тутта покачала головой.

— У людей?

Тутта утвердительно кивнула.

— А какого цвета у тебя шубка?

— У меня нет ни-ни-никакой шубки, у меня пушинки, и они желтые, — ответила Тутта Карлссон.

Людвиг Четырнадцатый почесал за ухом совсем как папа Ларссон.

«Желтая птичка, которая не умеет хорошо летать и которая живет у людей, — размышлял он. — Не может быть, чтобы это была...»

— Ты же, конечно, не курица? — спросил он в ужасе.

— Да нет, — пропищала Тутта. — Я еще не курица. А ты что за птица? Ты живешь в лесу?

Людвиг Четырнадцатый кивнул.

— Ты ручной?

Людвиг Четырнадцатый фыркнул.

— А какого цвета твои пушинки?

— У меня нет никаких пушинок, у меня шубка, и она рыжая, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— А хвост у тебя есть?

— О-о, да, конечно.

— Пин-пин-пинтересно! Значит, я правильно угадала! — воскликнула Тутта и ближе подошла к Людвигу. — Ты заяц?

— Положим, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

Тутта остановилась. «Дикий зверь с рыжей шубкой и большим хвостом. Если это не заяц, то тогда это должен быть...»

Тутта задрожала.

— Тогда, может быть, ты хитрый лис? — заикнулась она. —
Нечего сказать, пик-пик-пикантно.

— «Пик-пик-пик»! — сердито передразнил Людвиг
Четырнадцатый. — Опять на тебя напала пик-пик-пикота?

Тутта вздохнула с облегчением.

— Вот здорово, — сказала она. — А то я было подумала, что
попала в такую ужасную компанию.

Людвиг Четырнадцатый таинственно улыбнулся. Знала бы
Тутта Карлссон... И тут у него засосало под ложечкой.

— Я хочу есть, — захныкал он. — Я не ел целый день.

— Бедный Людвиг Четырнадцатый! — воскликнула Тутта
Карлссон. — А что ты любишь больше всего?

— Я ем все, — ответил Людвиг. — Разве ты не слышишь, как у
меня бурчит в животе?

— У меня есть предложение, — обрадовалась Тутта Карлссон.
— Проводи меня домой. Я ведь очень боюсь ли-ли-лисиц. А там у
нас во дворе много всякого съестного.

— А мне можно? — удивился Людвиг Четырнадцатый.

— Конечно же, это совсем не опасно, — заверила Тутта Карлссон. — Сначала пройдем через овсяное поле, потом через клубничную поляну, и мы дома. Ты же бежал той дорогой, когда упал на меня.

Людвиг Четырнадцатый вдруг вспомнил, почему он оказался в канаве.

— Туда я больше не пойду, — заявил он. — Уж лучше умереть с голоду.

— Вот глупый! — засмеялась Тутта Карлссон. — Люди совсем не опасны. Да и Максимилиан тоже. Даже если ты боишься собак.

— Я совсем не боюсь ни людей, ни собак. — Его бросило в дрожь от волнения. — Я боюсь Этого на клубничной поляне. Разве ты не видела там огромного, ужасного, который вот так расставил руки и страшно звенит? А его лицо без глаз и без носа...

Тутта Карлссон рассмеялась, да так, что все ее пушинки заколыхались.

— Нечего пи-пищать, — заикнулся Людвиг Четырнадцатый. — Если бы я не сбежал и не спрятался в канаве, Этот догнал бы меня и съел.

— Пойдем, — сказала Тутта Карлссон и захлопала

крылышками. — Обещаю, что Этот не съест тебя.

— Ты с ним знакома, да? — Людвиг Четырнадцатый разинул рот от удивления.

Тутта Карлссон ничего не ответила и засемила через овсяное поле. Вскоре они оказались на клубничной поляне.

— Остановись, — зашептал Людвиг Четырнадцатый. — Разве ты не видишь? Этот так и стоит на месте. Дальше я не сделаю ни шага.

— Трусилка, — ответила шепотом Тутта Карлссон. — Я ведь иду первая.

Людвигу Четырнадцатому очень не хотелось показывать, как ему страшно, и он поплелся за Туттой Карлссон. Но с каждым шагом сердце его стучало все громче и громче.

И вот они уже стояли под самыми распростертыми руками.

— Вот твой ужасный Этот, — сказала Тутта Карлссон. — Смотри, он же совсем не движется.

— Да, но на нем шуба и шляпа! Так что же это? Может, это все же человек? — прошептал Людвиг Четырнадцатый.

— Пин-пин-пинтересно, все лесные звери такие дураки? — поинтересовалась Тутта Карлссон. — Какой же это человек?

Людвиг Четырнадцатый впервые подумал, что, может быть, он действительно глупый?

— Скажешь ты наконец, кто это? — грозно спросил он.

— *Пугало!*

И Тутта Карлссон начала опять попискивать от смеха.

— А ты и вправду считал, что пугало может в два счета проглотить тебя, как червяка? — захлебываясь, верещала она. — Вот расскажу я всем домашним жив-жив-животным и пич-пич-пичугам. Ну и посмеются же они, пик-чик-чик!

— У-у-у, болтушка, пик-чик-чик! — обиделся Людвиг Четырнадцатый. — Откуда я могу знать все на свете? Люди чего только не напридумывают. Лучше уж достала бы мне поесть, ты же обещала. Ведь я свое обещание исполняю! Ни одна хитрая лиса тебя не тронет.

— Пойдем в домик, там светит лампа, — сказала Тутта Карлссон. — Там наверняка осталось что-нибудь от ужина. И мы устроим пик-пикник.

Людвиг Четырнадцатый даже не успел передразнить. Как

только он пролез вслед за Туттой и заморгал, глядя на лампу под потолком, раздался крик.

— По-мо-ги-и-те-е, ли-и-са-а-а! — донеслось из угла.

А потом раздался такой крик, что бедный Людвиг чуть не оглох.

— Куда ты, куда, куда ты! — закудаhtало со всех сторон.— По-мо-ги-и-и-те!

И тут Людвиг Четырнадцатый наконец понял, куда он угодил.
КУРЯТНИК!

Он поискал глазами Тутту Карлссон и увидел, что она спряталась за большим ведром.

— Ты соврала мне, — сказал он и зазаикался по-настоящему: — Ты ку-ку-ку-курица!

— Нет, я не ку-ку-курица, я всего лишь цып-цып-цыпленок, — сказала она. — Это ты обманул меня. Это ты хитрый лис.

— Нет, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Я лис, но я не хитрый.

Глава седьмая

Вскоре в курятнике снова наступила тишина.

Все с удивлением смотрели на Людвига Четырнадцатого. Не мудрено, ведь цыплята впервые видели живую лису.

— Подумать только, хитрюшка-ворюшка — гость в нашем доме, — кудаhtала старая курица Лаура. — А ты действительно уверен, что не хочешь нас съесть? Я хорошо знаю твоего папу, он, право же, очень мил.

— Терпеть не могу курятины. Но я в самом деле голоден. Тутта Карлссон обещала меня накормить чем-нибудь.

— Бедняжка, — закудаhtала Лаура. — Конечно же, ты получишь еду. Мне кажется, что вон в той миске есть чем полакомиться.

Второй раз Людвига Четырнадцатого приглашать не пришлось. Он мигом подлетел к миске и начал глотать.

— Это хорошо, что ты так спешишь, — заметила Лаура. — Как только наешься, сейчас же исчезай. Не думаю, чтобы Петрус

Певун был в восторге, когда узнает, что у нас в гостях лисенок.

— Петрус Певун — это наш петух, — пояснила Тутта Карлссон. — Он сейчас гуляет во дворе и поет, но скоро снова вернется. А до этого ты должен исчезнуть.

Но было слишком поздно!

Через дыру в стене важно вошел Петрус Певун и взмахнул красивыми разноцветными крыльями.

— Кукареку-у, кукареку-у, уже четверть девятого, — пропел он и, склонив головку, прислушался.

Вдруг он круто повернулся к лисенку и в ужасе закричал что было мочи:

— Ку-ка-ра-ул! Лис в доме. По-мо-ги-и-те! Макси-милиан-ан, сюда! Ку-ка-ра-ул! Спасите женщин и дете-е-ей!

О Максимилиане — псе, почти таком же хитром, как и сам папа Ларссон, Людвиг Четырнадцатый как-то совсем забыл.

— Ку-ка-ра-ул! — подхватил поэтому Людвиг. — По-мо-ги-и-те! Я не хочу, чтобы меня поймал Максимилиан!

Тогда все куры хором начали убеждать Петруса Певуна в том, что Людвиг Четырнадцатый очень милый лисенок.

И опять начался дикий шум и возня. Петух кукарекал, куры кудахтали, цыплята пищали, а Людвиг Четырнадцатый подвывал. Никто даже и не заметил, как дверь открылась и в курятник, семена коротенькими ножками, вбежала такса.

Людвиг Четырнадцатый увидел, как остренький носик пса протиснулся между двумя хохлатками.

«Пожалуй, мне пора домой», — подумал он. И быстро проскочил мимо таксы. Но... потом вдруг остановился. Прямо перед ним стояло что-то, чего раньше он никогда не видел.

Это «что-то» напоминало два коричневых ствола, правда значительно более гладких и блестящих, чем стволы обычных деревьев. А когда он поднял взгляд чуть повыше, он увидел еще что-то коричневое, а еще выше — что-то зеленое.

Дальше смотреть Людвиг Четырнадцатый не решился. Он и так уже понял, кто стоял перед ним:

ЧЕЛОВЕК!

Это был первый человек, которого Людвиг Четырнадцатый увидел. То блестящее, что Людвиг принял за стволы деревьев, было парой начищенных сапог. Коричневыми оказались и брюки.

Зеленой — куртка.

— Максимилиан-смотри-живой-лисенок-в-куратнике! — закричал голос. — Странно-видеть-и-странны-слышать-это-не-правда-ли?

Ты, конечно, думаешь, что маленький Людвиг Четырнадцатый не понимал, что говорил человек. Так или иначе, но он почувствовал, что наступил очень опасный момент.

— Лисенок-не-должен-сбежать, — сердито заворчал человеческий голос. — За-ним!

Охота началась.

Никогда еще в своей жизни Людвиг Четырнадцатый не бегал так быстро. Но такса не отставала от него.

Людвиг Четырнадцатый, наверное, сто раз обежал все дома, прятался между кустами, и под колодцем, и за дровами, раз даже залез под корыто, а потом притаился за грядкой. Но такса все время вынюхивала его по следу.

«Мне нужно найти какое-нибудь потайное местечко, — думал Людвиг. — Ведь скоро у меня уже не будет сил бежать».

Около большого дома, где жил человек, он обнаружил что-то похожее на ящик. Он впрыгнул туда через круглую дырку и свалился прямо на пол. Ему так надо было отдышаться,

— Здесь уже Максимилиан не найдет меня, — простонал он. — Я не хочу попадаться в руки людей. Я хочу домой, в лес.

Тайник оказался хоть куда. Максимилиан носился по двору, и каждый раз, когда он пробежал мимо, Людвиг Четырнадцатый замирал от страха. Но таксе почему-то и в голову не приходило заглянуть в этот ящик с дыркой.

Наконец охота кончилась. Максимилиан перестал лаять. Наступила тишина. Людвиг Четырнадцатый высунул голову и только собрался вылезти, как вдруг услышал шаги. Нырнув обратно, Людвиг стал наблюдать через дырку, как большие сапоги медленно двигались мимо.

— Да-лисенок-сбежал-хотя-Максимилиан-все-время-шёл-за-ним-по-пяткам, — сказал человеческий голос. — Хитрые-бестии-эти-рыжие-шкуры.

Людвиг Четырнадцатый хотел было сказать, что он совсем не хитрый, но передумал и надулся от гордости. Слышал бы папа Ларссон! Сам человек утверждал, что Людвиг провел даже его!

— Пошли-в-дом-пить-кофе, — продолжал человеческий голос. — Что-поделаешь. Будем-надеяться-что-в-следующий-раз-Максимилиан-тебе-повезет-больше.

Людвиг Четырнадцатый облегчённо вздохнул и во второй раз решился выйти из укрытия. И тут он увидел, что кто-то стоит на пути. Это был Максимилиан! Его черная шубка встала дыбом. А красный язык свисал изо рта. Людвиг Четырнадцатый сжался и стал маленьким-маленьким.

— Фу, какой ужасный вечер, — простонал Максимилиан. — На этот раз лис сбежал. Но в следующий раз я ему покажу, как пекут пироги.

При этих словах Людвиг Четырнадцатый вспомнил, до чего он голоден.

— А ты умеешь печь пироги? — спросил он не совсем кстати. И тут же прикусил язык.

— Что это за р-раз-разговорчики? — проворчал Максимилиан.

— Добрый вечер, дружище! — ответил Людвиг слабеньким голоском. — Мы уже виделись с тобой сегодня вечером. Меня зовут Людвиг Четырнадцатый Ларссон. Добрый вечер, добрый вечер! Только прости меня, к большому сожалению, я тороплюсь.

Но уйти Людвигу Четырнадцатому не удалось. Максимилиан закрывал грудью выход.

«Сейчас он меня укусит», — подумал Людвиг и зажмурился.

Но ничего такого не случилось. И Людвиг осторожно открыл глаза. Максимилиан совсем не был зол. Наоборот, он лежал и посмеивался своими великолепными зубами.

— Нет, ты самый хитрый и самый храбрый лисенок из всех, за кем я когда-либо охотился, — сказал он.

Людвиг Четырнадцатый тоже расплылся в улыбке. И зубы у него были ничуть не хуже, чем у Максимилиана. Ну почему нет с ним папы Ларссона?!

— Я избегал весь двор, — продолжал уже серьезно Максимилиан. — А ты вот, оказывается, где! **В МОЕЙ СОБСТВЕННОЙ КОНУРЕ.**

— В конуре? — смущенно переспросил Людвиг. — Значит, это твой дом?

— Представьте себе, никогда бы не подумал, что ты подумаешь, что можно подумать, что можно забраться сюда.

— А я так и подумал, что ты подумаешь, что я не додумаюсь подумать так, — схитрил Людвиг Четырнадцатый. — Вот я и спрятался здесь.

Максимилиан опять рассмеялся.

— Нет, я положительно не могу сердиться на тебя. Скажи, ты, наверное, очень проголодался после такой погони? Разреши предложить тебе замечательную косточку!

Дважды таксе предлагать не пришлось. Людвиг Четырнадцатый совсем не насытился пшеном, которым его угощали куры. И поэтому он тут же схватил самую большую кость из миски Максимилиана. Тот тоже принялся за еду.

— Увидел бы нас кто-нибудь, — с удовольствием причмокивая, проворчал Максимилиан. — Собака ест из одной миски с лисом! Это звучит как в сказке. Как, ты сказал, тебя зовут?

— Людвиг Четырнадцатый Ларссон, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Ларссон? — заинтересовался Максимилиан. — А ты не знаешь, случайно, хитрых Ларссонов из ближайшего леса?

— Это — мы, — скромно ответил Людвиг Четырнадцатый. — Мой папа часто рассказывал нам о тебе, Максимилиан.

— Правда? — Максимилиан засиял от удовольствия. — Да, я имел честь не раз гоняться за ним. Не хвастаясь, я должен тебе сказать, что твой папа почти такой же хитрый, как я. Помню, гром

гремит, кусты трещат, а мы бежим, бежим. Как я здорово укусил его тогда за заднюю лапу! В следующий раз еще веселее будет, так и передай.

Так они сгрызли все кости. Оба почувствовали усталость, и оба с удовольствием растянулись на полу собачьей конуры.

— Ну, а теперь тебе все-таки пора домой, — заявил Максимилиан и сладко зевнул. — С тобой очень приятно беседовать. Но не думаю, чтобы хозяину понравилось, что я дружу с лисами.

— А мне так далеко идти, — вздохнул Людвиг Четырнадцатый. — И я так устал, так устал. Не знаю даже, найду ли я дорогу домой.

— Это совсем недалеко, — возразил Максимилиан. — Я провожу тебя до изгороди. Мне ведь совсем не вредно прогуляться перед сном.

Пес и лисенок прокрались во двор, потом через клубничную поляну, потом через овсяное поле. У самой изгороди Максимилиан остановился.

— Теперь тебе уже совсем недалеко, — сказал он. — Беги вот по этой тропинке все прямо и прямо.

— Разве ты знаешь, где я живу? — удивился Людвиг Четырнадцатый.

Максимилиан вдруг ошетинился.

— Знаю ли я, где нора хитрых Ларссонов?! Вот что я скажу тебе: дружба дружбой, а служба службой. С этого момента мы больше не друзья. Еще раз повадишься в курятник, пеняй на себя.

Максимилиан зло залаял, давая Людвигу Четырнадцатому понять, что он все-таки собака.

Людвиг Четырнадцатый припустил по тропинке. Сперва он думал о Максимилиане, потом стал думать о папе Ларссоне. Так поздно он еще никогда не возвращался домой.

Когда он осторожно прокрался в нору, папа Ларссон сидел в гостинной в своем кресле, сделанном из детской коляски. Он вытащил часы из нагрудного кармана, посмотрел сначала на них, а потом на лисенка и сердито спросил:

— Где это ты пропадаешь? Давно пора спать.

— Меня похвалили за то, что я хитрый, — гордо ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Приятно слышать, — сказал папа Ларссон. — Мне

показалось, что только что неподалеку лаяла собака. Это правда?

— Да, папа, это был Максимилиан.

— Ах, вот как! Значит, это и вправду был мой злейший враг Максимилиан? — И добавил: — Я не раз имел честь гоняться за ним. Не хвастаясь, должен сказать тебе, что он почти такой же хитрый, как я. Помню, гром гремит, кусты трещат, а мы бежим, бежим. Здорово я тогда укусил его за заднюю лапу. В следующий раз еще веселее будет, пусть он так себе и зарубит на носу.

Людвиг Четырнадцатый улыбнулся. Кто говорит правду, Максимилиан или папа Ларссон?

Но вдруг до папы дошло то, что сказал Людвиг Четырнадцатый. И он тут же вскочил с кресла.

— Что ты тут сочиняешь, мой мальчик? — закричал он. — Ты встретился с Максимилианом?

— Это потом, — сказал Людвиг Четырнадцатый. — Он гнался за мной, но не мог догнать, потому что сперва я хорошо поужинал в курятнике. А когда я устал бегать, то залез к нему в конуру, он очень обрадовался и угостил меня косточкой. Мы ели с ним из одной миски. А потом он проводил меня, чтобы я не заблудился. А когда мы расставались, он сказал, что дружба дружбой, но он мне лучший враг, — выпалил Людвиг Четырнадцатый на одном дыхании.

Папа Ларссон встревоженно подошел к сыну и погладил его по головке.

— Ты, наверное, слишком долго спал под елью, — сказал он. — Ладно, иди в детскую и продолжай спать.

Глава восьмая

Утром за завтраком Лабан спросил Людвига Четырнадцатого:

— Где ты вчера болтался?

— Ничего особенного, — нехотя промямлил Людвиг. — Бродил, и вообще...

— Что — вообще?.. — любопытствовал Лабан. — Надеюсь, ты не играл с этими глупыми уличными зайчишками?

Папа Ларссон вмешался:

— Малыш Людвиг играл в прятки с Максимилианом. Надо полагать, ему понравилось.

Вся семья разинула рты.

— С этим ужасным Максимилианом? — закричали все.

Папа Ларссон рассмеялся.

— Успокойтесь, — сказал он. — Хотя Людвиг и не хочет вырасти плутишкой, однако он уже самый настоящий плут. Вы же понимаете, что он, очевидно, просто решил посмеяться над старым отцом.

— Ну-ка, быстро работайте задними лапками, если не хотите опоздать в школу, — переменяла разговор мама Ларссон.

Двенадцать маленьких лисят выскочили из норы так, словно промелькнула одна ленточка рыжего пламени. Остались только Лабан и Людвиг Четырнадцатый.

— Может, поиграем? — спросил Людвиг Четырнадцатый.

— Ни за что в жизни, — ответил Лабан. — Думаешь, я забыл, как ты надул меня с медовыми пряниками? Я не играю с теми, на кого нельзя положиться.

Людвиг Четырнадцатый побрел к выходу.

— Но ты, конечно, можешь повторить свой вчерашний опыт и поиграть с Максимилианом.

И когда Людвиг Четырнадцатый был одной ногой по другую сторону норы, до него донесся ехидный смех Лабана.

Если бы только папа Ларссон, и Лабан, и все остальные знали, что он говорил правду! Но больше с Максимилианом ему поиграть не удастся.

Вдруг Людвиг Четырнадцатый остановился. Да, Максимилиан ему больше не друг, но во дворе человека у него остался другой друг — Тутта Карлссон. О ней-то он после всех вчерашних событий совсем и забыл.

«Пожалуй, пойду опять в курятник, — сказал сам себе Людвиг Четырнадцатый. — Дорогу туда я уже хорошо знаю. Только бы не встретиться с Максимилианом!»

А вообще-то у Людвиг Четырнадцатого было отличное настроение.

Лис бежит по тонкой льдинке,
Он и плут и неплут, —

запел Людвиг Четырнадцатый и побежал по лесной дорожке.

Побеждает в поединке
Там и тут, там и тут.

Слова песенки не совсем подходили. Ведь была середина лета, и надо бы петь не «по льдинке», а «по тропинке». Но Людвиг Четырнадцатый, как поэт, был еще совсем начинающим. Кроме того, он так хотел поскорее увидеть Тутту Карлссон, что ему было совершенно все равно, что петь — лишь бы время скорее бежало.

Выскочив на опушку и увидев знакомое пугало, Людвиг Четырнадцатый подумал, что оно все-таки очень напоминает человека. Но он знал, что бояться нечего. Людвиг Четырнадцатый продолжал напевать:

— Здравствуй, чучело на грядке!
Руки, ноги — в стороны,
Словно делает зарядку,
Берегитесь, вóроны!

На открытом месте он пробирался ползком. Но это не мешало ему петь еще веселее. Подобравшись к самому пугалу, Людвиг Четырнадцатый уселся на задние лапки, передние развел в стороны, словно и сам был пугалом, и, покачиваясь, продолжал свою песенку:

— Здравствуй, чучело, привет!
Ни зубов, ни глазок нет,
Носа нет и нет лица,
Вот какие чудеса!

До этого он смотрел вниз, словно искал рассыпанные по земле слова. Но когда нашел, он начал медленно поднимать голову. И — о ужас! — сперва он увидел пару сапог, потом коричневые брюки и зеленую куртку и, наконец, нос, глаза и все прочее.

Людвиг Четырнадцатый немедленно встал на все четыре лапы, чтобы пуститься наутек. Но было поздно!

— Ну-и-храбрец-же-ты! — сказал человек.

И Людвиг Четырнадцатый оказался высоко в воздухе. Так высоко он еще никогда не поднимался, даже когда забирался на покрытый мхом камень, что стоит у их норы. Человек держал его за шкурку. Это было совсем не больно, но очень страшно. Людвиг Четырнадцатый даже взвыл.

— Значит-это-ты-повади́лся-в-наш-курятник? — спросил человек.

«Ну почему люди не могут научиться говорить как следует? — подумал Людвиг Четырнадцатый. — Какие длинные, странные слова!»

Подумав немного, Людвиг было собрался сказать человеку, что да, конечно, это именно он навещает их курятник. Но ему было неудобно разговаривать, вися в воздухе. А человек опять заговорил. Он ведь стоял на земле.

— А-ты-мне-нрависься. Такой-милый-шустрый-лисенок. Наши-детишки-с-удовольствием-будут-играть-с-тобой!

Человек взял лисенка под мышку и пошел во двор. Там он посадил Людвига Четырнадцатого в клетку из стальных прутьев.

— Вот-здесь-ты-и-будешь-жить, — сказал человек и защелкнул замок. — Маллот-и-Петер-сейчас-у-бабушки-в-гостях-но-они-скоро-вернутся.

Людвиг Четырнадцатый надолго задумался: «Что за странные имена у человеческих детей: «Маллотипетер»!

— Максимилиан-поди-сюда! — закричал человеческий голос.
— Посмотри-кого-я-поймал! Вчера-он-ускользнул-от-тебя-а-сегодня-я-поймал-его-голыми-руками. Посмотри-какой-хитрый-лисенок. Вот-будет-хорошая-игрушка-нашим-ребятишкам!

Людвиг Четырнадцатый совсем не обрадовался, услышав в третий раз, что он так хитер. Ему совсем не хотелось быть игрушкой у человеческих детей. Ему хотелось обратно в лес.

Максимилиан проводил хозяина и возвратился к клетке.

— Доб-р-рое утро! Не говорил я тебе, чтоб ты держался подальше?

— Доброе утро. А не выпустишь ли ты меня отсюда? — спросил Людвиг Четырнадцатый.

— Дудки, мы больше не друзья, — возразил пес и оскалил зубы. — Ты плут.

— Только не я, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Я совсем не хитрый.

— А кто прятался в моей конуре? — возмутился Максимилиан.
— Ты, пожалуй, похитрее даже своего папочки Ларссона.

Пес обошел вокруг клетки и тщательно обнюхал каждый прут.

— Вот теперь посмотрим, сумеешь ли ты спасти свою рыжую шкуру, — продолжал он. — Мне даже незачем охранять тебя. Желаю приятно провести время.

И Людвиг Четырнадцатый остался один. Он тыкался носом, искал лазейку, но вокруг были только прочные стальные прутья. Он пытался разгрызть замок, но тог оказался не по зубам.

— Эх, был бы я хитрым, ну хоть чуть-чуть, — вздохнул Людвиг Четырнадцатый.

Он положил голову на передние лапки и загрустил.

— Пин-пин-пинтересно, что ты делаешь в моей клетке? — вдруг услышал он чей-то голосок.

Это была Тутта Карлссон.

— Доброе утро! — мрачно ответил Людвиг Четырнадцатый. — Наряжаю новогоднюю елку!

— Как ты сюда попал? — продолжала Тутта Карлссон, не слушая его. — Замок-то заперт.

— Разве? А я и не заметил, — хорохорился Людвиг

Четырнадцатый.

— Еще и кип-кип-кипятится! — удивилась Тутта Карлссон. — Как же ты оказался таким дураком, что дал себя поймать?

— Ну, перепутал человека с пугалом! — огрызнулся Людвиг Четырнадцатый.

— Ты сказал правду, — промолвила вдруг Тутта Карлссон. — Ты совсем не такой хитрый, как другие лисы. Поверить, что жив-жив-живой человек — пугало!

Людвиг Четырнадцатый заплакал.

— А разве так не бывает!

Послышались шаги, и человек, который поймал Людвига, остановился у клетки.

— Не-бойся-цыпленочек, — засмеялся человек. — Лисенку-теперь-не-сбежать-из-твоей-клетки. Еду-то-он-получит-но-не-цыплятинку-о-которой-он-мечтал.

Человек поставил в клетку миску с костями и мясом.

— Чего, чего, чего? Что говорит человек? — всполошилась Тутта Карлссон. — Ты пришел сюда, чтобы пит-пит-питаться цыплятиной?

Людвиг Четырнадцатый глубоко вздохнул:

— Я пришел, чтобы поиграть с тобой. Но меня поймал человек, чтобы мной играли его дети.

— Бедный Людвиг Четырнадцатый, — запищала Тутта Карлссон. — Значит, это я вин-вин-виновата, что тебя посадили в клетку? Обещаю, что помогу тебе выбраться отсюда. А пока до свидания.

И Тутта Карлссон исчезла. А Людвиг Четырнадцатый остался один во дворе у человека в клетке для цыплят.

Глава девятая

Маллот и Петер вернулись от бабушки.

— Какой-миленький! — обрадовалась Маллот и попробовала погладить Людвиг Четырнадцатого.

«И совсем я не миленький», — подумал Людвиг Четырнадцатый и схватил ее за руку.

— Папа-можно-мы-заберем-его-к-себе-в-детскую-на-ночь? — умолял Петер. — Пусть-он-спит-в-кукольной-коляске!

«Еще чего не хватало, — подумал Людвиг Четырнадцатый. — Лис — в кукольной коляске!»

На этот раз человек был с ним, очевидно, согласен.

— Лучше-уж-пусть-лисенок-останется-в-клетке. Лесные-звери-плохо-себя-чувствуют-в-доме-у-людей, — сказал он.

Людвиг Четырнадцатый нашел это заявление вполне справедливым.

— Нужно-дать-ему-имя, — предложил Петер.

«У меня есть одно, но вам его не отгадать», подумал Людвиг Четырнадцатый.

— Пусть-будет-Микке. Микке-звучит-очень-мило! — предложила Маллот.

Лисенок вяло улыбнулся: Микке — такое обычное имя. Людвиг Четырнадцатый куда возвышеннее!

— Рыжий-хвост, — сказал человек.

Людвиг Четырнадцатый заворчал. Право же, ему надоели все эти глупости. Его зовут Людвиг Четырнадцатый, и точка.

— Давайте-лучше-к-завтрашнему-утру-придумаем-ему-чудесное-пречудесное-имя! — предложила Маллот.

К завтрашнему утру!

Людвиг Четырнадцатый почувствовал, что нос его снова стал сухим и горячим. Неужели ему придется скучать в этой проклятой клетке до завтра? Ой, как мама Ларссон будет волноваться! А как папа Ларссон будет сердиться!

— Можно-взять-ошейник-Максимилиана-и-погулять-с-лисенком? — спросила Маллот.

Людвиг Четырнадцатый сразу же повеселел: во время прогулки, может, ему удастся сбежать в лес?

— Можно, — разрешил человек, — но-будьте-осторожны. Мне-кажется-что-лисенок-немного-зол.

Людвиг Четырнадцатый решил притвориться добрым. Он разрешил детям надеть на себя ошейник Максимилиана и послушно поковылял рядом с ними.

Максимилиан лежал в своей конуре и мрачно наблюдал за всем.

— Тебе-завидно-что-мы-другого-зверька-а-не-тебя-ведем-на-прогулку, — поддразнил его Петер.

Пес в ответ заворчал, потом заскулил.

Людвиг Четырнадцатый дернулся было в кусты, но поводок так натянулся, что пришлось перекувырнуться кверху лапками через голову назад. Дети рассмеялись. А ему было совсем не смешно.

Людвиг Четырнадцатый надеялся, что, возвратясь с прогулки, дети забудут запереть замок. Но он ошибся. Замок был заперт с особой тщательностью. Петер даже подергал его.

— Не-убежишь-от-нас, — сказала Маллот. — Скоро-уже-ночь-и-мы-должны-спать. А-завтра-мы-опять-придем-к-тебе.

«Завтра я буду в лесу», — мысленно возразил ей Людвиг Четырнадцатый. Но как ему удрать обратно в лес, он не знал. Разве что Тутта Карлссон что-нибудь придумает.

После ужина из дому вышла мама Петера и Маллот. В руках она несла миску с едой. Мама говорила медленно и ясно, так что Людвиг Четырнадцатый понимал ее довольно сносно, хотя все слова ее звучали для него тоже как одно длинное-длинное слово.

— Пожалуйста-ужин-нашему-новому-гостю-подан, — сказал она. — Дети-очень-просили-чтобы-ты-получил-самые-лучшие-кусочки-те-что-обычно-достаются-Максимилиану.

Мама детей опять ушла в дом, а Людвиг Четырнадцатый почувствовал, что он зверски голоден. Но только он собрался запустить свои острые зубки в кусок вкусно пахнувшего мяса, как услышал знакомый писк.

— Пит-пит-питаешься? — пропищал голос.

Людвиг Четырнадцатый узнал голос Тутты Карлссон.

Тутта осторожно выглянула из-за куста.

— Не ешь эту пи-пи-пищу, — пропищала она.

— Разве она отравлена? — ужаснулся Людвиг Четырнадцатый.

— Мне показалось, что она пахнет довольно вкусно.

Тутта Карлссон выпорхнула из своего тайничка.

— Максимилиан зол на тебя, — сказала она. — Дети-ти-ти надевали на те-тебя его ошейник. Ходили с тобой гулять. И что самое худшее — ты получил его самые лучшие куски!

— Ничем не могу ему помочь, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Пусть злится на детей.

— А мне кажется, что те-тебе все же следует отдать Максимилиану эти-ти куски, — настаивала Тутта Карлссон. — Он такой тип-тип-тип.

Последние слова она пропищала лисенку прямо в ухо, и тогда он все понял.

— Ты почти такая же хитрая, как мой папа Ларссон! — похвалил ее Людвиг Четырнадцатый. — Даже почти как я!

— Даже хитрее, — засмеялась Тутта Карлссон. — Я же не думаю, что пугало — это человек, а всякий человек обязательно — пугало. — И она опять спряталась в кустах.

Долго ждать не пришлось. Как только начали спускаться сумерки, Максимилиан появился у клетки.

— Пр-р-ивет! Ну как тебе, весело? — проворчал он. — Сегодня ночью я могу спать спокойно. Ты хорошо заперт.

— А разве ты не голоден? — мягким голосом спросил Людвиг Четырнадцатый.

Пес уставился на лисенка.

— Еще спрашиваешь! — сказал он и оскалил свои острые зубки.

— Знаю, знаю, — притворившись совсем грустным, сказал Людвиг Четырнадцатый. — Вот поэтому я и спрятал для тебя эти куски. Посмотри, вот здесь, в миске. О, я не хочу, чтобы кто-то голодал из-за меня.

Максимилиан подошел к клетке поближе. Смотри-ка, лисенок сказал правду. В миске лежали лучшие куски мяса. Максимилиан облизнулся.

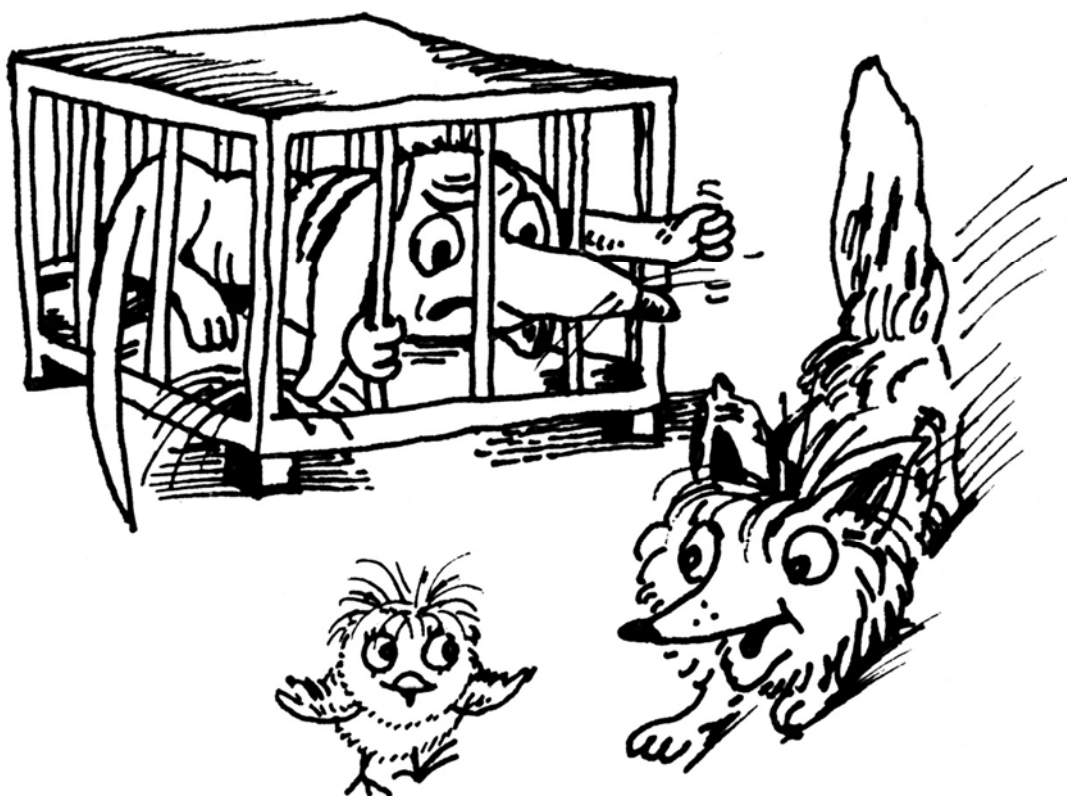
— Добро пожаловать, — приглашал Людвиг Четырнадцатый. — Входи и будь как дома. В прошлый раз приглашал на ужин ты. Сегодня угощаю я.

Максимилиан не знал, верить ли своим ушам.

— А не обманываешь? — спросил он, глотая слюну.

— Ну, что ты, разве может такой маленький лисенок, как я, обмануть такого мудреца, как ты! — скромно ответил Людвиг.

Максимилиан рассмеялся. Какой же он, право, чудак! Конечно же, лисенок хитер, но надуть старого Максимилиана еще раз! Нет.

Это невозможно.

Он сорвал замок с дверцы и медленно вполз в клетку.

— Милости просим к столу! — Голос Людвиг Четырнадцатого звучал спокойно, но сердце его дрожало, как заячий хвост. Не пропустить бы нужный миг.

— Благодар-рю за приглашение, благодар-рю за приглашение, — бормотал Максимилиан. — Сочная косточка к ужину — пррревосходно.

Но только он успел подойти к миске, как вдруг...

Людвиг Четырнадцатый прямо вылетел из клетки и захлопнул ее за собой. Тутта Карлссон выпорхнула из-за куста, и им вместе удалось запереть замок.

— Эй, вы, кошачьи дети! Что вы натвор-рили! — взревел Максимилиан, не отрываясь от миски. — Я не хочу тор-рчать запертым в цыплячьей клетке. Откр-ройте меня сейчас же! Так ты лгал, лгал, лгал!

— Приятного аппетита, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Прошу прощения за то, что не могу составить компанию. Очень спешу. Разрешите передать привет папе Ларссону от хитрого Максимилиана.

— Бр-р-родяга! — ревел пес. — Погоди только, встретимся еще р-раз... Ой, ой, ой, как я зол!

Людвиг Четырнадцатый и Тутта Карлссон вместе добежали до курятника.

— Тысячу, миллион спасибо тебе за помощь, — раскланялся лисенок перед Туттой Карлссон.

— Цып-цып-цып! За что благодарить! — кокетливо ответила Тутта Карлссон и скромно опустила головку. — Ведь это из-за меня ты попадаешь во всякие неприятности-ти-ти.

— Сегодня нам не придется уже поиграть, но можно мне в другой раз с твоего разрешения пригласить тебя, уважаемая Тутта Карлссон?

— Ты очень пин-пин-пинтelligentный лисенок, — пропищала взволнованная Тутта Карлссон. — Только, пожалуйста, подальше от курятника. Мне кажется, Максимилиану очень хочется дать тебе хороший пин-пин-пинок,

— Знаешь, давай будем играть за изгородью, ну, там, где мы встретились в первый раз! — предложил Людвиг

Четырнадцатый.

Это предложение понравилось Тутте Карлссон. И прежде чем исчезнуть в курятнике, где ее ждали сестры, братья и другие родственники, она договорилась с Людвигом, что встретится на следующий день за изгородью.

Людвиг Четырнадцатый поспешил домой. Была уже почти темная ночь, и он отлично понимал, что папа Ларссон очень сердится, а мама Ларссон очень волнуется.

Так оно и было. Когда Людвиг Четырнадцатый вошел в гостиную, папа Ларссон сидел в кресле, сделанном из детской коляски. Он вытащил часы из нагрудного кармашка и нахмурил брови.

— Опять бегал по лесу! — проворчал он. — Оно конечно, мы, лисы, на охоту ходим ночью. Но ты ведь еще совсем ребенок, тебе ночью надо спать.

— Сегодня я опять всех перехитрил, — начал было Людвиг Четырнадцатый.

— Ах вот как! — улыбнулся папа Ларссон. — Ты что, надо полагать, опять встречался с моим старым другом Максимилианом?

— Да, и не только с ним, — с живостью подхватил Людвиг Четырнадцатый. — Сначала меня поймал человек, потом я был игрушкой у человеческих детей, а потом меня заперли в цыплячью клетку и кормили собачьей едой, а потом я и Тутта Карлссон обманули Максимилиана и...

— Милый Людвиг, — прервал его папа Ларссон, — ты что-то, я бы сказал, слишком переутомляешься в последнее время.

Людвиг Четырнадцатый сник, хвост его опустился.

— Это пра-а-вда, па-па...

— Да, конечно, правда. Ты заснул в лесу и видел сказочный сон. Иди к себе и досматривай его, спокойной ночи.

Глава десятая

Людвиг Четырнадцатый и Тутта Карлссон часто встречались на полянке у забора. Конечно, это была довольно странная пара

— лисенок и цыпленок. Но вместе им было очень хорошо. Всегда у них находилось так много новых игр. Больше всего они любили играть в школу. Один из них садился на пенек и притворялся, будто он учитель. А другой садился под пеньком и притворялся, что внимательно слушает урок.

Людвиг Четырнадцатый учил Тутту Карлссон всему, чему научился у Лабана: что растет в лесу, какие ягоды надо есть, чтобы не болел живот. Предостерегал ее от грибов, красные головки которых покрыты белыми пятнышками, — потому что это мухоморы и они ядовитые. Людвиг показывал Тутте, как распознавать следы на тропинках и узнавать по ним зверей...

А Тутта Карлссон рассказывала Людвигу Четырнадцатому обо всех домашних животных, о растениях, которые растут в саду и в огородах и которые очень полезны. О людях и о том, как надо быть осторожным, чтобы тебя не поймали.

— Обещай мне, что никогда не придешь в курятник, чтобы съесть нас, — дрожа от страха, просила Тутта. — Я ведь хорошо знаю, как вы любите набить курятиной жив-жив-живот.

— Никто из нашей семьи не будет воровать вас, — торжественно поклялся Людвиг. — А ты обещала мне, что предупредишь меня, если люди задумают устроить на нас облаву.

Тутта Карлссон обещала.

Когда Людвиг Четырнадцатый договаривался с Туттой о встрече, он обычно исчезал из норы рано-рано утром и возвращался только поздно вечером.

— Где ты, однако, бродишь целыми днями? — спросил его папа Ларссон однажды вечером.

— Я играю со своей новой подружкой, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — И научился у нее многим хитростям.

— Это, надо полагать, хорошо, — сказал папа Ларссон. — А как зовут твою подружку?

— Тутта Карлссон, — ответил Людвиг Четырнадцатый в надежде, что на том расспросы и закончатся. Ведь он понимал, что папе Ларссону совсем не понравится, если он узнает, что его сын играет с цыпленком.

— Тутта Карлссон, — задумчиво произнес папа Ларссон. — Я ее не знаю. Приведи ее как-нибудь в нашу нору. Я был бы не против познакомиться.

— Не думаю, чтобы ей захотелось прийти сюда, — возразил Людвиг Четырнадцатый и попытался улизнуть.

Но папа Ларссон был стар и хитер. Он еще долго сидел в кресле и думал. Тутта Карлссон! Этого имени он никогда не слышал. А ведь он знал всех лесных зверей.

На следующее утро он отозвал Лабана в сторонку. На лбу у папы Ларссона появились глубокие морщины.

— Ты знаешь, кто такая Тутта Карлссон?

Лабан отрицательно покачал головой.

Папа Ларссон почесал за спиной. Обычно это означало, что он очень углублен в свои мысли, больше, чем когда чешет за ухом. И тут он вспомнил, что ему рассказывал Людвиг Четырнадцатый несколько вечеров подряд. О таксе Максимилиане, о курятнике, о людях...

Либо все это сыну мерещится, либо...

А Лабану он сказал:

— Вот что, узнай, пожалуйста, кто такая эта Тутта Карлссон. Подсмотри за Людвигом, когда он утром опять исчезнет из дому.

На следующее утро Людвиг Четырнадцатый, как всегда, спешил на свидание с Туттой Карлссон. Он даже и не заметил, как что-то рыжее промелькнуло сзади в кустах. Но это рыжее следовало за ним как тень.

Тутта Карлссон начала громко считать:

— Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, двадцать десять, двадцать одиннадцать, двадцать двенадцать... цать-цать, цать, цать — я иду искать.

И она начала искать. За одним из кустов она увидела что-то очень похожее на хвост лисенка.

— Пи-пи-пи! Ти-ти-ти! — обрадовалась Тутта Карлссон и замахала крылышками. — Я нашла те-те-тебя!

— Ты хитришь, — ответил ей Людвиг с другого конца. — Ты меня видела? Что за ерунда!

— Пи-пи-пименно, — растерянно согласилась Тутта Карлссон. — Но как же это ты и тут и там?

— Ты ошиблась, — возразил ей Людвиг Четырнадцатый. — Наверное, это были желтые листья.

Но Тутта Карлссон видела совершенно точно.

За кустом был лисий хвост, и этот хвост принадлежал Лабану.

И он видел, как Людвиг Четырнадцатый играл с цыпленком в прятки!

Его огромные темно-коричневые глаза, похожие на пятаки, еще больше расширились.

— Нет, мне надо заказать очки, — сказал Лабан сам себе и заморгал. — Бедный папа! Бедный наш прадедушка!

Он помчался обратно и пулей влетел в гостиную.

— Это что-то ужасное! — задыхаясь, кричал Лабан. — Тутта четырнадцатая Лабан — это лис. Нет, что я говорю? Людвиг цыпленок четырнадцатый! Двадцать десять, двадцать двенадцать, цать, цать!

Папа Ларссон поспешно вставил ему в пасть морковку.

— Заткнись и успокойся, — сказал он, потом поправился: — Съешь ее и расскажи по порядку все, что ты видел и что тебя так напугало.

Лабан съел морковку и рассказал обо всем, что он увидел на поляне возле изгороди.

Ему очень хотелось, чтобы папа Ларссон рассердился на Людвига Четырнадцатого. Но все получилось наоборот. Папа сидел в кресле и смеялся.

— Ты не рассердился? — удивился Лабан. — Тебе должно быть стыдно за весь наш род, да? Что скажет наш прадедушка?

— Мне кажется, что он тоже будет смеяться, — ответил папа Ларссон. — Ай да Людвиг! Я-то думал, что он все это видел во сне, а теперь мне кажется, что он рассказал чистую правду.

— Мне кажется, что я слышу твои слова тоже во сне, — продолжал возмущаться Лабан.

Но папа Ларссон больше не обращал на него внимания.

— Ай да Людвиг! Ай да Людвиг! — бормотал он. — Ведь это значит, что наш Людвиг Четырнадцатый проложил для нас прямую дорогу в курятник. Играть с цыпленком, а! Таким хитрым даже я никогда не был!

— Но Людвиг же сказал, что он не собирается воровать еду у людей! Нет, он просто позорит всю нашу семью!

— Тихо, вот он идет, — прошептал папа Ларссон.

Лабан с нетерпением ждал, что же будет дальше. Но папа дружелюбно посмотрел на Людвига и вкрадчиво спросил его:

— Ты, я полагаю, и сегодня играл со своей подружкой, этой

Туттой Карлссон?

— Да, и нам было очень весело, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Однако ведь я тебе уже говорил, что неплохо бы ей как-нибудь заглянуть к нам в гости, — продолжал он, облизываясь. — А если у нее есть сестрички и другие родственники, то и их пригласи. Мы так гостеприимны, не правда ли, Лабан, а?!

— Конечно, — отозвался тот, уставившись в пол и еще ничего не понимая.

Людвиг Четырнадцатый внимательно посмотрел на папу и брата. Неужели они знают, что Тутта Карлссон — цыпленок?

— Ну, какого ты об этом мнения? — снова спросил папа Ларссон. — Пригласи всю ее родню. Были бы гости, а мы уж устроим пир!

— Не знаю, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Тутта Карлссон такая огромная. Не знаю, влезет ли она в нашу нору.

— Ничего, как-нибудь! — хитрил папа Ларссон. — Скажи ей, что мы ждем ее к обеду.

Людвиг Четырнадцатый вздрогнул. Ему стало не по себе.

— Мне уже сейчас весело, — причмокнул Лабан. Услышав об обеде, он наконец все понял. — Она, право же, хороша.

Людвиг Четырнадцатый наострил уши.

— Ты что, видел мою Тутту Карлссон? — спросил он.

Лабан не знал что ответить.

— Видел ее? Я? Нет. Совсем н-нет! — запинаясь, сказал он. — Я хотел сказать только, что она должна быть хорошей и веселой, раз она играет с моим лучшим, с младшим братиком.

— Пойду в детскую и чем-нибудь займусь, — сказал Людвиг Четырнадцатый.

Он лег на свою кроватку и задумался. Лабан и папа, конечно, узнали, что Тутта Карлссон — цыпленок. Ну конечно же!

Людвиг Четырнадцатый укусил себя за кончик хвоста. Что же теперь будет?

Глава одиннадцатая

Людвиг Четырнадцатый прислушался.

Папа Ларссон и Лабан оставались в гостиной, и оттуда раздавался приглушенный шепот. Но вот Людвиг Четырнадцатый совершенно отчетливо услышал имя Тутты Карлссон. Он крадучись сполз с кровати и встал за дверью, которая была сделана из ржавого куска железа.

— Неужели ты веришь, папа, что Людвиг приведет Тутту Карлссон к нам в нору? — спрашивал Лабан.

— Не думаю, — отвечал папа Ларссон. — Но когда цыпленок не идет к нам, мы идем к цыпленку.

Людвиг Четырнадцатый икнул.

— Итак, — рассмеялся папа, — мы сами пойдем в курятник и там вежливо поздороваемся с Туттой Карлссон и ее родней. Почему бы даже не сегодня же вечером? Я, право, очень голоден.

Людвиг Четырнадцатый чуть не вскрикнул.

— Нет, мое предложение лучше, — возразил Лабан. — В курятник отправляюсь я один.

— А достаточно ли ты хитер, чтобы выполнить такое важное и такое сложное задание? — засомневался папа Ларссон. — Ведь надо учитывать, что во дворе весьма опытная собака, а у людей весьма неприятные ружья.

— Ну, уж если Людвиг смог пробраться туда, то я уж и подавно проберусь. Только разреши мне, отец.

Папа Ларссон задумался.

— Ну, что же, что же, — хотя и с сомнением, согласился он. — Только не делай глупостей. А пока поди, поспи немножко. Во двор пробираться следует, только когда совсем стемнеет.

— Хорошо! — воскликнул Лабан и рывком распахнул дверь в детскую.

Это произошло неожиданно. Людвиг Четырнадцатый не успел отскочить, и его стукнуло дверью так, что он даже перевернулся. На лбу у него вскочила шишка.

Лабан заорал:

— Ты подслушал наш разговор с папой?!

— О чем ты говоришь? — Людвиг Четырнадцатый зевнул и

притворился, будто только что проснулся. — Я встал, чтобы выйти на минутку, а ты влетел как бешеный. Я уже думал, не пожар ли?

— Малыши не должны мешать, когда взрослые заняты серьезным делом, — гордо сказал Лабан. — Давай улепетывай отсюда. Мне нужен абсолютный покой перед серьезным делом, которое мне предстоит сегодня ночью.

Выйдя из норы, Людвиг Четырнадцатый тут же лег прямо на мох. Он должен помешать Лабану пробраться в курятник. Но как?

Людвиг Четырнадцатый подумал еще немножко и решил, что есть только один выход: он должен предупредить кур и цыплят. И сделать это нужно сейчас же!

Хотя было еще совсем светло и его легко могли заметить люди, и особенно Максимилиан, колебаться Людвиг Четырнадцатый не стал. Он ведь обещал Тутте Карлссон защищать кур от лис. А обещания надо выполнять. И он помчался по тропинке к изгороди, легко пересек овсяное поле... Ползти было некогда, и он так быстро бежал через клубничную поляну, что с разгона налетел на чучело-палку. На лбу у него вскочила вторая шишка. А тут еще с пугала что-то упало. Людвиг Четырнадцатый в ужасе сделал отчаянный прыжок в сторону, но пугаться было нечего: то, что свалилось, оказалось просто шляпой, упавшей с головы пугала. Она-то и угодила как раз между Людвигом и палкой.

Людвиг потер лоб и продолжил свое опасное путешествие. Скоро кончится клубничная поляна, и тогда начнутся настоящие трудности. Перед курятником совсем открытое место, там и спрятаться-то негде.

Пока что Людвигу Четырнадцатому везло, во дворе было спокойно. Но вдруг... Дверь из дома людей открылась. Оттуда вышли Петер, Маллот и Максимилиан. Людвиг Четырнадцатый понадеялся было, что они уйдут гулять, но куда там! Они стали играть во дворе.

Правда, ни дети, ни Максимилиан не могли его видеть: ведь он лежал между кустиками клубники. Но вот когда он станет перебегать двор!..

Людвиг Четырнадцатый еще раз потер обе шишки на лбу, пытаясь что-нибудь придумать.

— Нет, ничего не выйдет! — застонал он.

«Вот если бы я не был таким ярко-рыжим, а был бы, как эта поляна, зеленым в красную крапинку, — размышлял он. — А так мне ни за что не добраться до курятника».

Он еще раз осмотрелся, и на глаза ему опять попало чучело.

— А может, мне притвориться пугалом? — прошептал он. — Ведь у людей это иногда получается.

И тут у Людвига мелькнула идея.

Шляпа!

Шляпа, упавшая с пугала, была примерно такого же серого цвета, как земля во дворе.

— А все-таки я иногда бываю хитрым! — обрадовался Людвиг Четырнадцатый, пополз обратно и схватил шляпу. — Теперь, если только удастся свернуться в клубочек, все будет отлично!

У края клубничной поляны он съежился, и... ура! Посмотрите, Людвиг весь уместился под шляпой!

Вот Людвиг выглянул на минутку из-под шляпы, огляделся внимательно, чтобы попасть в курятник, а не в будку к Максимилиану, и... шляпа побежала по полю.

Максимилиан залаял:

— Плут, плут, плут!

— Замолчи, — донесся голос Петера. — Нечего-лаять. Кругом-такая-тишина.

Но пес продолжал глухо лаять. Он совсем охрип.

— Тут, тут, тут. Тот, кто лгал, лгал, лгал!

— Что-с-тобой-случилось-крикун? — теперь говорила Маллот. — Такое-впечатление-будто...

— Смотри! — закричал вдруг Петер. — Смотри-шляпа-у-курятника!

Людвиг Четырнадцатый задрожал, и шляпу начало трясти.

— Кто-это-стацил-ее-с-пугала? — удивилась Маллот. — Вот-папа-разозлится.

— Разве-ты-не-видишь-что-она-дрожит-и-бежит? — воскликнул Петер.

— Глупый, — засмеялась Маллот. — Шляпа-не может-бежать-и-еще-дрожать.

— Посмотри-сама-если-не-веришь, — продолжал Петер

— Волшебство, — покраснелась Маллот.

А Максимилиан заливался.

— Пойдем-посмотрим-на-это-волшебство-поближе! — предложил Петер.

Людвиг Четырнадцатый понял, что дело плохо, — надо как можно быстрее добраться до курятника.

И хотя под шляпой ничего не было видно, он рассчитал так правильно, что попал в курятник и упал прямо на кур и цыплят.

Все вокруг взлетело, закудахтало, запищало, закукарекало.

— Как-так-как-так, живая шляпа! — кудахтали куры. — Помогите-и, Петрус Певун. Где ты, где ты, где ты? Шляпа! Шляпа! На насест, все на насест! Она нас съест! Она нас съест!

Людвиг Четырнадцатый галантно снял с себя шляпу.

— Здравствуйте, это я, — представился он, и гвалт мгновенно утих.

— Людвиг Четырнадцатый, — захлопала глазками Тутта Карлссон. — Пи-пи-писключительно. Пин-пин-пинтересно! Почему ты влетел к нам в шляпе?

— Это неважно, — сказал Людвиг Четырнадцатый. — Вегодня сечером, я хотел сказать, сегодня вечером, к вам собирается нагрянуть Лабан.

— Шляпа-вбежала-в-курятник! — раздался снаружи голос Петера.

— Глупости, — ответил голос человека. — Шляпа-сама-не-может. Давайте-откроем-дверь-и-посмотрим.

Людвигу Четырнадцатому снова надо было спешить. Он выскочил в щель как раз в тот момент, когда человек открыл дверь курятника.

Естественно, что шляпу с пугала Людвиг Четырнадцатый с собой не захватил. И поэтому он успел еще услышать, как Петер сказал:

— Вот-видите-я-говорил-правду.

— Ничего-не-понимаю, — прозвучал ответ человека. — Ну-а-ты-что-скажешь-Максимилиан?

Пес лаял. Ведь он-то все давно понял. Собаки, они такие.

Глава двенадцатая

Людвиг Четырнадцатый успел как раз к ужину.

Все сестры и братья окружили Лабана, а тот с удовольствием растянулся на полу.

— Как хорошо я поспал, — говорил он, хитро улыбаясь.

— С чего это ты спал днем? — спросил его Леопольд. — Что ты, маленький?

— Мы ведь лисы, — подражая папе Ларссону, важно ответил Лабан. — Маленькие у нас спят ночью, когда нам, взрослым, пора на прогулку.

— Какую прогулку? — удивилась Лоттен.

Лабан таинственно усмехнулся и, подмигнув папе Ларссону, сказал:

— Возвращусь с подарком, тогда узнаешь.

— Малыши, спать! — засуетилась мама Ларссон. — Завтра опять вас не добудисься.

Тринадцать лисят послушно исчезли в детской. А Лабан направился к выходу.

— Будь осторожен, — сказал ему папа Ларссон на прощание.

— Все будет хорошо. Вспомни, я ведь самый хитрый лисенок в лесу. — И Лабан нырнул в темноту.

Людвиг Четырнадцатый ворочался в своей кровати. «Только бы с Лабаном не случилось ничего слишком страшного», — думал он.

Едва Людвиг Четырнадцатый заснул, как вдруг в норе поднялся ужасный шум.

— Ай, ай, ай, ай! — выл кто-то. — Мне так больно. Ай, ай, ай, ай! Это был Лабан. Он, наверное, только что вернулся домой.

Людвиг Четырнадцатый испугался. Что там придумала Тутта Карлссон? Он ведь просил ее ничего не говорить человеку, собаке, детям и маме детей.

От крика Лабана проснулись все. Людвиг Четырнадцатый открыл дверь в гостиную. Там... на диване, который смастерил сам папа Ларссон, лежал Лабан и выл. Мама Ларссон держала его голову на своих коленях и чесала лапой за ушами. Но Лабан был безутешен.

Папа Ларссон стоял у его хвоста и рассматривал что-то, висевшее на самом кончике, Людвиг Четырнадцатый сразу догадался, что это такое. Тутта Карлссон как-то рассказывала ему о таких вещах: *это была мышеловка!*

— Ой, ой, ой, ой! — стонал Лабан. — Я при смерти. Я истекаю кровью...

— Нет, не истекаешь, — резко оборвал его папа Ларссон. Он был очень сердит. — Ну, а если уж тебе чуть-чуть больно, то следует заметить, что ты сам виноват. Зачем хвастал, что ты самый хитрый на милю вокруг? Надо же! Лис угодил в мышеловку!

— Вот с каким подарком ты возвратился, — хихикнула Лоттен.

— Ой, ой! — взмолился Лабан. — Сперва отцепите меня от нее, а потом я согласен выслушать что угодно.

— Ты еще ставишь условия? — возмутился папа Ларссон и не спеша продолжал: — Что скажет дедушка, то есть твой прадедушка! Нет уж, изволь сперва подробно рассказать все по порядку, а потом я подумаю, стоит ли убрать эту штуку с твоего хвоста.

Папа Ларссон любил поговорить. Но Лабану казалось, что никогда еще он не говорил так длинно. А Лабану так хотелось, чтоб его поскорее отцепили от мышеловки, и он заспешил, глотая окончания слов:

— Я прокрал... на овся... поле. Нич... так особен... я не слы... и не ви... Ост... только добе... до курят... А там сыр...

— Что? Сыро? Ты испугался сырости? — прервал его папа

Ларссон. — А ну-ка, изволь произносить все слова полностью, — неумолимо добавил он.

— Я и говорю полностью! — взвыл Лабан. — Сыр. Не сыро, а сыр. Я почувствовал запах сыра. Ты же сам говорил, что сыр полезен. Я и решил попробовать этот ох...

— Какой еще ох? — совсем вскипел папа Ларссон.

— Не ох, а ох этот сыр! Передо мной лежал маленький кусочек...

— И ты сразу же попался на приманку. — Папа Ларссон постарел на глазах.

— Нет. Я все-таки хоть немножко, но хитер, — возразил Лабан. — Я решил не подходить слишком близко, а просто подпихнуть хвостиком этот ох, этот сыр к себе поближе.

— И ловушка захлопнулась, — заключил папа Ларссон.

Лабан кивнул и опять завыл.

— Так больно было! — визжал он. — Я даже не смог удержаться и закричал. И тогда проснулись все куры и петух, и цыплята, и, наверное, все яйца, и такой поднялся шум! А потом проснулись и люди, и Максимилиан. И мне пришлось уносить ноги. Но я заодно унес и эту мышеловку. Ох, ох, сыр!

— Бедный мой Лабан, — запричитала мама Ларссон, погладила его по хвосту и покосилась на папу Ларссона. — Не так уж просто забираться в курятник. Ведь это с ним в первый раз.

— Бедный я, бедный... — стонал Лабан. — Наверное, я полхвоста потерял.

— Ничего, пройдет, я наложу пластырь, — пообещала мама Ларссон со слезами на глазах. — Завтра все будет хорошо. Ну, отцепи же его наконец, он больше не будет, — сказала она папе Ларссону.

Папа Ларссон отцепил мышеловку и положил ее на стол.

— Вот видите, — обратился он ко всем лисятам, толпившимся в дверях. — Не я ли всегда говорил вам, что людей и собак следует остерегаться. Лабан, ты будешь каждый вечер рассказывать младшим, что такое мышеловка.

Братья и сестры украдкой захихикали.

— Хитрый Лабан совсем не хитрый, хитрый Лабан совсем не хитрый, — прошептала Лоттен.

Лабан закрыл лапами уши, чтобы не слышать.

— Псс, — свистнул Людвиг Четырнадцатый и помахал ему лапкой. — Послушай, я все же думаю, что ты хитрый.

— И ты туда же? — огрызнулся Лабан, зализывая хвост.

— Нет, что ты, — заверил его Людвиг Четырнадцатый. — Ты все же всегда был самым хитрым на целую милю вокруг. Ну так вот, если бы ты решил достать сыр не хвостом, то мышеловка вцепилась бы тебе в нос. А это куда хуже.

Наступило утро. Постаревший папа Ларссон снова помолодел. Он уже сидел в гостиной в своем любимом кресле и размышлял. Он думал о мышеловке. Никогда еще, за все свою долгую жизнь, он не слышал, чтобы люди мышеловку ставили там, где снуют куры. Тут что-то не так. Во-первых, кто-то знал, что вечером в курятник нагрянут незваные гости. Во-вторых, куры знали о мышеловке.

Кто же их предупредил?

Не уходил ли Людвиг Четырнадцатый вчера днем из дома?

Папа Ларссон решил, что теперь ему следует взяться и за младшего сына. Он позвал Людвига Четырнадцатого.

— Ну, сынок, а где ты гулял вчера? Ты, надо сказать, довольно долго отсутствовал.

Людвиг Четырнадцатый стыдливо отвернулся:

— Просто гулял.

Папа Ларссон очень внимательно посмотрел на него.

— Может, у курятника?

Людвиг Четырнадцатый кивнул.

— Так-с. И ты рассказал Тутте Карлссон и всем остальным курам, что ночью к ним должен прийти Лабан? — с трудом сдерживаясь, продолжал допрос папа Ларссон.

Людвиг Четырнадцатый снова кивнул.

Волоски на шубе у папы Ларссона так и поднялись дыбом.

— А как же ты пробрался в курятник? — зло спросил он. — Ведь было совсем светло. Тебя могли увидеть.

Людвиг Четырнадцатый рассказал, как он взял шляпу и как прокрался к курам.

После этого он даже не решился посмотреть на папу Ларссона. Ведь от такого горя тот мог снова постареть на глазах.

— Ты очень сердишься? — прошептал он, спрятав нос и глаза в свою шубку. — Я не знал, что они такое надумают с мышеловкой.

Людвиг Четырнадцатый осторожно вытащил из шубки нос и открыл глаза. Нет, это невозможно — папа Ларссон хохотал.

— Ты что, не сердишься? — переспросил Людвиг Четырнадцатый.

— Следовало бы, хи-хи-хи, да, пожалуй, весьма следовало бы, — смеялся папа Ларссон. — Но ты и сам не представляешь, какой ты у нас хитрый! — Он вздохнул. — А все же нехорошо обманывать своих, — добавил он.

— Я не хотел, — улыбнулся Людвиг Четырнадцатый. — Я только хотел, чтобы Лабан не причинил зла моей лучшей подруге и ее родственникам.

— Хорошо сказано, — заметил папа Ларссон. — Но вот мой тебе совет. Не рассказывай Лабану, что это из-за тебя он подцепил на хвост мышеловку. А то, надо полагать, он когда-нибудь тебе весьма напомнит об этом. Да, и вот еще, — добавил папа Ларссон, — больше ты не должен играть с Туттой Карлссон. Она и ее родственники отнюдь не наша компания.

— Папа, — начал было Людвиг, — Тутта и я...

— ...больше никогда не будете играть вместе, — решительно закончил за него папа Ларссон.

— Ну почему все звери в одном лесу не могут быть друзьями!

— глубоко вздохнул Людвиг Четырнадцатый.

— Тоже мне философ! — сказал папа Ларссон. — Подрастешь — поймешь. А пока будет так, как я сказал.

Людвиг Четырнадцатый подумал, что он никогда-никогда этого не поймет. Даже когда постареет. Он понуро вышел из норы и лег на покрытый мхом камень.

Так он и лежал и думал, как ему жалко всех и самого себя.

Сначала ему не разрешили играть с добрыми зверятами. Потом с ним поссорился Максимилиан. А теперь вот он больше не сможет встретиться и с Туттой Карлссон. «Лучше уж я был бы игрушкой для человеческих детей, — думал Людвиг Четырнадцатый. — Тогда, по крайней мере, я каждый день виделся бы с Туттой Карлссон».

Но хотя он еще совсем не состарился, а уже и он понимал, что скоро ему захотелось бы обратно домой в лес, потому что дом для лис — это лес. Нет, он не смог бы быть игрушкой для человеческих детей.

— Бедный я, бедный... — простонал Людвиг Четырнадцатый. — Какой ужасный мир! Бедный я, бедный. Мне никогда больше не будет весело.

Глава тринадцатая

Людвиг Четырнадцатый очень удобно лежал в укрытии возле камня: он никому не был виден, зато сам мог увидеть абсолютно все, что хоть чуть-чуть двигалось...

Любопытно, что это там желтенькое, словно крохотное солнышко, катится за кустами? Людвиг Четырнадцатый прищурился, будто и в самом деле посмотрел на солнышко.

Нет, не может быть! Неужели он только что видел желтый пушок Тутты Карлссон? Интересно, что она здесь делает?

— Людвиг-виг, — пропищал голосок. — Кто ви-ви-видел Людвиг Четырнадцатого?

Людвиг испугался. Как же так? Еще узнает папа Ларссон. Тутта у самой норы.

— Исчезни, — зашипел он. — Сгинь сейчас же.

— Чив-чив-чего это ты такой злой? — жалобно пропищала Тутта Карлссон. — Здравствуй! Ты что, больше не любишь меня?

— Очень люблю! Если бы не любил, разве я говорил бы, чтоб ты сгинула, — вздохнул Людвиг Четырнадцатый. — Зачем ты только пришла?

— Чтобы сказать тебе, что на вас надвигается беда. Вы в опасности. Впусти меня в дом. Я не вижу тебя. Где ты?

Ну что было делать Людвигу Четырнадцатому?

— Я не знаю, — заколебался он. — Чужим нельзя показывать вход. Ведь это лисья нора!

— Знаю, что не пин-пин-пинкубатор! А тебе можно было в курятник? Я ведь лисицами не пит-пит-питаюсь! — запищала Тутта Карлссон. — Они уже близко! Я тоже в опасности. Ну же, где вход?

— Около камня, покрытого мхом, — решил Людвиг Четырнадцатый.

Но Тутта Карлссон не стала дальше его слушать. Она быстро-быстро замахала своими маленькими крылышками и чуть было не прыгнула прямо на Людвига Четырнадцатого.

— Идите обедать! — послышался голос мамы Ларссон из кухни. — Не хватает только Людвига.

— Ну как твой хвост, Лабан? — спросил папа Ларссон и положил себе земляничного крема из консервной банки.

— Бывает хуже, — сказал Лабан, держа кверху кончик хвоста, на который мама Ларссон наклеила пластырь. — В следующий раз я покажу этим курам... — Лабан вдруг умолк и, показывая лапой на дверь, добавил: — А вот и одна из них сама к нам пришла. Живая-живехонькая, но хочет быть супом.

Папа и мама Ларссон и все их дети с удивлением уставились на незваную гостью.

— Такая молоденькая! — вздохнула мама Ларссон.

В норе воцарилась тишина.

— Разрешите представить вам мою подругу Тутту Карлссон, — наконец промолвил Людвиг Четырнадцатый.

— Тутта Карлссон! — воскликнул папа Ларссон, и кончик его носа покраснел от смущения и удовольствия. Но тут же он гневно посмотрел на Людвига: — Помнится, я не так давно говорил тебе, чтобы ты не смел больше играть с Туттой Карлссон?

— А я не собираюсь играть, — гордо ответила Тутта Карлссон вместо Людвиг Четырнадцатого. — Я пришла не играть, а спасать! — Она даже ни разу не заикнулась.

— Жалкий маленький цыпленок хочет спасти самую храбрую в лесу семью лис, — засмеялся папа Ларссон. — От кого же, разрешите спросить?

— Прислушайтесь и примухайтесь! — ответила Тутта Карлссон.

Все лисы подняли носы.

— Я, кажется, чую собаку, — сказала наконец мама Ларссон.

— Это Максимилиан, — сообщила Тутта Карлссон.

— А я слышу шаги и голоса, — сказал папа Ларссон.

— Это люди с нашего двора, — подтвердила Тутта Карлссон.

Папа Ларссон забеспокоился:

— Ну-ка, рассказывай. Что случилось?

Лисята завыли.

— Спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие! — сказал папа Ларссон. — Нечего выть. Меня сотни раз преследовали, но я, как изволите видеть, цел и невредим.

Но на этот раз по всему видно было, что и он испугался.

— А почему, собственно, люди решили начать охоту на нас именно сегодня? — снова обратился он к Тутте.

— Им кажется, что вокруг нашего курятника разгуливает уж слишком много лис. Сначала пришел один, прикрывшись старой шляпой... — Она посмотрела на Людвиг Четырнадцатого. — А потом поздно вечером пришел второй и угодил прямо в мышеловку, — добавила она. — И вот тогда люди решили выгнать вас из леса.

— А как же наша прекрасная квартира? — завыли Лоттен и Линнеа. — Никогда у нас больше не будет такой уютной детской.

— Перестаньте, девочки! — прикрикнул папа Ларссон. — Еще не родился тот, кто мог бы прогнать нас из дому.

— Ты должен не разговаривать, а думать, — заохала мама Ларссон. — Ох, я-то знаю, что такое охота на лис. Сначала придет одна собака и вспугнет нас. А потом следом явятся охотники. Ты должен что-нибудь придумать, папа Ларссон.

— Я уже начал думать, — ответил папа Ларссон.

— Я помогу тебе думать, — сказал Лабан и сильно-сильно

сморщил свой лоб.

— Леопольд! Ну-ка, взгляни, можем ли мы вылезти через лаз у камня, — начал командовать папа Ларссон.

Леопольд убежал, но тут же вернулся.

— Там стоит человек, — доложил он.

— Лассе-старший! — приказал папа Ларссон. — Посмотри, не можем ли мы выбраться через старое дупло.

Лассе-старший шмыгнул в другую сторону, вернулся и, вытянувшись, сообщил:

— Другой человек.

— Нет, нам ни за что не выбраться отсюда, — захныкали Лоттен и Линнеа. — Нас обязательно поймают.

— Ладно, сейчас как раз время открыть вам одну тайну, — спокойно начал папа Ларссон. — Из норы есть еще один лаз, и знаю его только я один.

— Да здравствует хитрость, да здравствует папа, ура-а! — закричали обрадованные лисята.

Но мама Ларссон волновалась:

— Мы, конечно, можем вылезти через твой потайной вход. Но куда же мы потом денемся? Вполне возможно, что весь лес так и кишит этими охотниками да собаками.

— Дайте я еще раз серьезно подумаю, — попросил папа Ларссон.

— А я помогу, я ведь очень хороший помощник, верно же, — подхватил Лабан и, нахмутив лоб, задумался.

Но тут сам папа Ларссон сдался.

— Нет, во всем лесу не найти нам хорошего укрытия, — вздохнул он.

Лабан тоже вздохнул.

— И я так думаю. Во всем лесу не найти нам хорошего укрытия.

И тогда все в норе вдруг услышали писклявый тоненький голосок:

— Я знаю одно пи-пи-писключительное укрытие. Там вас ни одна такса и никакой пи-пи-пинчер не разнюхает.

Это сказала Тутта Карлссон. Все прямо так и выпучили на нее глаза.

— Ты шутишь, — недоверчиво промямлил Лабан. — Где же это такое укрытие, о котором даже сам папа Ларссон не знает?

Тутта гордо посмотрела на лисят:

— *Наш курятник-ник!* — она запрыгала. — Ник-ник-ник!

Папа Ларссон не поверил своим ушам — спрятаться в курятнике!

— Ведь там вас ник-ник-никто не станет искать, — продолжала Тутта Карлссон. — А когда облава кончится, вы возврати-ти-ти-тесь сюда.

— А ты уверена, что остальным курам понравится наше нашествие? — спросил осторожно папа Ларссон.

— Если я скажу, что вы папа и мама, братья и сестры Людвига Чет-чет-четырнадцатого, то вас примут с радостью, — заверила Тутта Карлссон.

— Ну что ж, благодарю вас за приглашение, — заключил папа Ларссон. — А сейчас пора выбраться через тайный лаз. Помните, никакого шума!

Вся большая семья лис незаметно прокралась через лес и через клубничную поляну. У самого двора Тутта Карлссон на минуточку исчезла в курятнике, чтобы предупредить о приходе гостей. Пока она была там, лисы прямо сгорали от нетерпения.

— А если они не согласятся? — беспокоилась мама Ларссон. — Да еще вдруг наябедничают Максимилиану?

— Давайте пока спрячемся, — подхватили Линнеа и Лоттен, — только подальше от собачьей конуры.

Но тут в дырке появилась сначала головка Тутты Карлссон, а потом и вся она.

— Куда ты, куда ты, а ты, Лоттен, куда? — впервые в жизни закудахтала она. — Милости прошу!

Семья Ларссонов вползла в курятник. Малыши, еще ни разу не видевшие, как выглядят эти дворцы изнутри, с любопытством оглядывались по сторонам. А папа Ларссон стоял посреди курятника и чувствовал себя немножко пристыженным.

— Привет, карикатура! — сказал он, обращаясь к Петрусу Певуну. — Разрешите приветствовать вас.

Петух раскрыл крылья и высоко задрал клюв.

— Ку-ка-ре-ка-тура! Так они отвечают на гостеприимство! — возмутился Петрус Певун. — Надеюсь, господин Ларссон не думает, что мы станем для него еще и обедом. Нет, вы только слышали — ку-ка-ре-ка-тура!

— Я хотел быть просто вежливым, — взял себя в руки папа Ларссон, он даже слегка покраснел. — Давно я здесь был в последний раз, когда-то в молодости.

— Да, я помню, — поддержал разговор Петрус Певун. — Тогда я был еще маленьким петушком. Удивительно, как мне удалось вырасти.

— Тогда у меня были другие гм-гм... заботы, — сказал папа Ларссон и пошел на мировую. — А теперь я вообще уже не такой хитрый.

— Зато ваш сын — настоящая бестия, — заметил Петрус Певун. Лабан вытянулся, чтобы все его видели.

— Вы слышите, — прошипел он, обращаясь к Лассе-младшему и Лоттен. — Даже эта домашняя птица знает, какой я хитрый.

— Я говорю о малыше Людвиге, — не обращая на него внимания, продолжал Петрус Певун. — Подумать только: чтобы лис явился предупредить кур об опасности. Да еще в шляпе. Я предлагаю троекратное кука-ре-рура-ура-ура! В его честь!

— Ура! Ура! Ура! Да здравствует Людвиг! Да здравствует шляпа! — запищали цыплята.

— Ваша дочь тоже очень способная, — похвалил папа Ларссон Тутту. — Если бы не она, нам бы туго пришлось. Я всегда говорил, что Тутта и Людвиг стоят друг друга. Они настоящие друзья.

— Ну, сколько можно стоять и расхваливать малышей, — закудахтала госпожа Наседка. — Давайте лучше позаботимся о наших гостях и устроим настоящий пир. Вы любите яйца?

Лисята так шумно запрыгали от радости, что самые маленькие цыплята, испугавшись, попрятались под крылышки своих мам.

— Конечно же, конечно, — продолжала госпожа Наседка. — Сегодня у нас будет вкусная большая яичница.

Глава четырнадцатая

Вот это был праздник так праздник!

Никогда еще никто не видел и не ел такую большую яичницу! После сытной еды семью лисов начало клонить в сон. Но вскоре дети начали возню — лисята и молодые петушки затеяли борьбу

и остороженько покусывали друг друга. А лисички и молодые курочки, собравшись у одной стены, бросались пуховыми мячиками и сплетничали о нарядах.

Мама Ларссон и госпожа Наседка сидели на мягких подушках и мирно беседовали на хозяйственные темы. Госпожа Наседка учила маму Ларссон, как нести яйца, потому что именно куры умеют это делать лучше всех. А мама Ларссон учила госпожу Наседку, как приобрести себе шубку на зиму, потому что именно это знают лучше всех лисицы.

Петрус Певун восседал на своей жердочке, а под ним лежал папа Ларссон. Оба чувствовали себя просто превосходно и вели мужской разговор,

— Представить себе только, как это вы, господин Петрус, управляетесь со всеми женщинами, — говорил папа Ларссон.

— Пустяки, важно только, чтобы они не слишком ку-ка-ро-лесли, — отвечал ему Петрус Певун. — Как интересно с вами беседовать! Мы расстанемся друзьями, не правда ли?

— Конечно, — заверил его папа Ларссон. — Верьте Ларссонам, как любим мы говорить в семье.

Тутта Карлссон и Людвиг Четырнадцатый внимательно прислушивались. А потом подбежали к своим отцам.

— Значит, мы можем играть друг с другом! — закричал Людвиг Четырнадцатый.

— Пожалуйста, — сказал Петрус Певун.

— Конечно же, конечно, — подтвердил папа Ларссон.

Лисам было так хорошо в курятнике, что они совсем забыли о времени. И когда мама Ларссон выглянула во двор через маленькое окошечко, было уже совсем темно.

— Нам пора домой, — сказала она.

— Тихо, — сказал папа Ларссон и наострил уши. — Я чувствую, люди возвращаются с охоты на нас.

Послышались шаги и голоса.

— Мне-думалось-что-лисы-у-нас-в-мешке, — сказал человеческий голос. — Но-лисенок-оказался-хитрее. Целый-день-мы-провели-в-лесу-но-так-и-не-увидели-даже-лисьей-шубки.

Лисы и куры переглянулись, как заговорщики.

— Как-ты-думаешь-где-они-могли-спрятаться? — спросил другой голос. — Максимилиан-потерял-след-и-почему-то-хотел-

возвращаться-прямо-домой.

Пес сильно залаял.

— Ай, перестань! — закричал на него хозяин. — Перестань-злиться-на-лис-за-то-что-они-тебя-обманули.

Но Максимилиан не унимался.

— Твой-пес-лает-так-словно-все-лисье-семейство притаилось-в-курытнике, — засмеялся какой-то человек. — Меняй-ка-ты-себе-собаку.

— От-этого-лучше-не-станет, — ответил хозяин.— Все-собаки-глупы-и-избалованны.

Чтобы не рассмеяться, молодые курочки засунули свои головки глубоко под крылышки, а лисята покусывали себе хвостики.

Наконец шаги и голоса удалились.

— Как видите, и на этот раз опасность миновала, — гордо констатировал папа Ларссон. — Я соскучился по своему креслу, сделанному из детской коляски. Пора и честь знать.

— Обещайте не забывать наш дом, — попросил Петрус Певун.

— Только сначала вы придете к нам, — ответила мама Ларссон.

— И к нам, и к ним, — кудахтали курочки.

— Никогда еще у нас не было таких хороших друзей, — подвывали лисята.

Над лесом стояла желтая, как цыпленок, луна. Из курятника вышли папа Ларссон, мама Ларссон, Лабан, Леопольд, Лаге, Лассе-старший и Лассе-младший, Леннард, Лео и Лукас, Лаура и Линнеа, Луиза, Лидия и Лоттен. Самым последним вышел Людвиг Четырнадцатый.

Он долго махал хвостиком, пока видел Тутту Карлссон.

— Куда ты, куда ты?.. — задумчиво говорила она ему вслед.

Лисы пробежали через двор на клубничную поляну. И прошмыгнули мимо пугала. Шляпа на нем покачивалась от ветра, но это никого не пугало.

Максимилиан лежал в конуре и смотрел на длинную шеренгу лис, мелькавшую в отблесках луны. Но он даже не пошевелился.

— Нет, нет, нет и еще раз нет,— простонал он, чувствуя себя совсем одиноким.— Лисы дружат с курами. А мне не дают даже лаять. Если рассказать об этом, так никто же мне не поверит. Никто, никогда!

ББК 84 (4Шв)

Э44

Пересказ со шведского
Е. Грищенко и А. Максимова.

Экхольм Я.

Э44 Тутта Карлссон Первая и единственная, Людвиг Четырнадцатый и др.; Хитрая сказка Пер. со швед. Е. Грищенко, А. Максимова. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991.— 80 с. — (Для мл. шк. возраста).
ISBN 5-7633-0368-7

Доброта и дружба всегда победят зло и коварство — в этом убедится маленький читатель, узнав историю лисенка Людвиг Четырнадцатого и цыпленка Тутты Карлссон.

Э 4804010100—35 49—91
153(01) — 91

ББК 84 (4Шв)

ISBN 5-7633-0368-7

© Издательство «Детская литература», 1974 г.

© Художник Татьяна Алексеевна Гнисюк, 1991 г.

Для младшего школьного возраста

Ян Экхольм

**Тутта Карлссон Первая и единственная,
Людвиг Четырнадцатый и др.**

С к а з к а

Редактор **О. Казакова**. Художник **Т. Гнисюк**. Художественный редактор **В. Бутенко**. Технический редактор **Л. Долгова**. Корректор **И. Соколова**. ИБ № 1790. Сдано в набор 26.04.91. Подписано в печать 19.08.91. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5. Усл. кр. отт. 5,5. Уч.-изд. л. 4,24. Заказ 45. Тираж 350 000. Цена 40 коп.

Приволжское книжное издательство. 410071, Саратов, пл. Революции, 15. Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР, 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

